

Ведьма

Автор:

Симона Вилар

Ведьма

Симона Вилар

Ведьма #1

Знала ли юная чародейка Малфутка, что ее возлюбленный, молодой посадник Свенельд, отступится от нее? Ведь именно она перевела его через Нечистое Болото, полное всякой нежити, спасая от местных жрецов... Но его миссия – отыскать в глухих чащах святилища древлянских волхвов – выполнена. А значит, соперница Малфутки, сама княгиня Ольга, непременно призовет его к себе. Какая судьба ждет брошенную, чужую среди своих и еще не ведающую собственной силы колдунью?

Симона Вилар

Ведьма

© Гавриленко Н., 2005, 2011

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2011

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2011

Пролог

Когда по весне в лесах объявляется медведь-шатун, – само собой, радости мало. А этот еще и показал себя сразу: от старого охотника, обходившего капканы, нашли одни ноги в онучах, да и от баб, собиравших целебные коренья, одни ошметки кровавые на сучьях остались. Тогда древлянские[1 - Древляне – славянское племя, жившее в лесах между Днепром и Припятью.] мужички из селища Матери-Сосны обратились к волхвам, попросили их прислать своего кудесника, который мог говорить с духом шатуна. Волхвы прислали такого: он поворожил у священной сосны – покровительницы рода, и отправился в чащу на медведя. Больше его никто никогда не видел. А шатун как творил зло, так и продолжал творить его. Вот тогда все поняли – не обычный это зверь, а дух упыря[2 - Упырь – мертвец (умерший нехорошей смертью), выходящий ночью из могилы и сосущий кровь людей.] беспокойного, который и поднял раньше срока косолапого хозяина леса.

Посудили селяне, порядили и решили сами завалить зверя. Собрали из нескольких селищ бывалых охотников и стали готовиться. Рассказывали, что этот зверь ведет себя странно: рыка его никто не слышал, только следы видели на снегу. Да и следы-то непривычно огромные. Надо было идти на косолапого упыря облавой. Страшно-то страшно, а все равно от этакой напасти только самим избавиться можно.

В утро, когда мужики собрались на облаву, бабы провожали их плачем, как на верную смерть. Мужики цыкали на них, сердились. Когда пришел волхв благословлять на промысел, сосновичи слушали его заговоры, принимали обереги. Волхв совершил положенный обряд: обрызгал кровью черного петуха подножие священной сосны, потом что-то страшно вынул у шеста со старым медвежьим черепом. Мужики перед уходом тщательно проверили снаряжение, помолились Роду[3 - Род – божество-прародитель у древних славян. Покровитель людей, семьи и родоначальник жизни.] и тронулись в заснеженный притихший лес.

Никто и не заметил, когда к охотникам пристала Малфутка. Стрый[4 - Стрый – дядька по матери.] ее, местный охотник Беледа, только рукой махнул, увидев в цепи загонщиков маленькую фигурку братучадо[5 - Братучадо – племянница.].

Если не знать, то и не поймешь, что это девчонка: полушубок, как у паренька, лыком подвязан, большая ушастая шапка надвинута до бровей.

– Вот погоди, устроит нам мамка, когда возвратимся, – только и сказал Беледа маленькой родичке. А что он еще мог? Мужики уже далеко удалились от селищ, стучали колотушками, били по деревьям, завывали. Кто теперь позаботится о девчонке, кто рискнет вернуться в селение, когда, по всем охотничьим приметам, они уже вышли на след зверя?

Только старейшина Громодар недовольно скривился, узнав о Малфутке.

– Добра нам от этого не будет. А вернемся, я сам выпорю ослушницу.

Еще никто не знал, чем обернется эта облава, а Малфутка уже чувствовала. Боязно ей было, как никогда в жизни. Чувала, что рядом зверь – страшный, лютый, голодный. И хотя бывалые охотники, бодрясь, поговаривали, что не впервой им шатуна брать, все одно что-то неладно было в лесу. Снег под ногой проваливался, от голых деревьев в сером туманном сумраке веяло смертью, даже синицы не перекликались, вороны недобрые, и те замолкли. А где-то рядом было оно – не то зверь, не то оборотень кровавый.

Загонщики уже миновали старый ольшаник, где кончались владения их рода. Здесь следы косолапого были особенно отчетливыми. Обнаружили его свежий помет, шерсть на кустах. Опытные охотники сразу определили – огромный зверище, матерый. Взять такого – большая удача и честь. Если это, конечно, и в самом деле зверь... А что бабы и волхвы болтают... Сейчас об этом не думалось. Шли полукругом, шумели, уже вроде бы должны были загнать медведя к топям, а он вдруг пропал.

– Зря волхва с собой не взяли, – вдруг сурово молвила Малфутка, дернув за кушак Беледу. – Зверь наш дух чует и замыслил свое.

Беледа слыл бывалым охотником, и сейчас им владел привычный азарт облавы. Не до советов сопливых было.

– Цыц, малявка!

И забил по натянутой на обод коже, закричал зычно. Малфутка, проваливаясь в тяжелый снег, пробиралась следом за Беледой.

Далекий крик они слышали одновременно. Замерли, дыша паром.

– Что?.. Что это было?

За деревьями застыли и остальные загонщики.

– А что? Не померещилось же?

Не померещилось. Теперь все слышали истошный, переходящий в визг крик.

Старейшина Громодар определил первым:

– Парфомша это кричит. А ну, к нему!

Как мог такой удалой и опытный охотник, как Парфомша, отстать от цепи, было неясно. Ведь велено же было держаться друг дружки, не отставать.

Они нашли его уже мертвым. Здоровенный мужик плавал в кровавом месиве из снега и собственной крови. Лицо нетронутое, а тело... Малфутка бросилась в кусты. Рвало ее тяжело. Хотя доводилось уже потрошенных зверем видывать, но такое...

Ей не дали опомниться, куда-то поволокли. Она слышала, что крик теперь летел с той стороны, откуда они только что пришли. И крик этот... Малфутка кинулась, опережая остальных. Беледа, дядька родненький, стрый любый, как же это...

Он висел на ветках дуба с позеленевшим перекошенным лицом. Стопы ноги у охотника не было, внизу все было заляпано кровью. Но все же он спасся, зависнув на дереве. А вокруг снег был вспорот, запах зверя еще не сошел.

– Беледа!

Мужики бросились к нему. Охотник оглянулся, не размыкая сцепленных на сучьях рук.

– Назад! Спасайтесь! Здесь он, рядом!

Охотников было более дюжины. Чего же бояться? Но испугались. Столпились в центре небольшой ложбины, спина к спине, выставив рогатины и сулицы[б - Сулица – небольшое копье, дротик.]. Но все было тихо, поэтому, постояв немного, люди расслабились.

– Беледу снимите, – велел Громодар. Стащив лохматую шапку, вытер вспотевшее лысеющее темя.

Малфутка оказалась первой у дерева, на котором висел дядька, заплакала вдруг, даже не по-девчоночьи, а непозволительно по-бабьи. Ее оттолкнули охотники, потянувшиеся к изувеченному Беледе.

– Да руки отцепи, руки! Все уже, мы это... Домой тебя потащим.

Но Беледа вдруг, даже не закричав, а заскулив и дико округлив глаза, стал тянуться вверх. И тут же рядом появилось это.

Вроде обычный медведь: громадная рыжая зверюга, шерсть торчком, клыкастая зловонная пасть, алая от крови. Схватив первого попавшегося охотника, он начал кидать и подбрасывать его, точно куклу. Мужики сперва кинулись кто куда. Но быстро опомнились, опять сошлись кучкой, выставив оружие.

– Гей! Гей, гей! – пошли на зверя.

Тот бросил добычу, оглянулся. Морда лохматая, страшная, маленькие глазки, видящие, казалось, все. И вдруг медведь зашелся жутким, коротким с перерывами рыком. Зверь словно хохотал над охотниками.

Но мужики не отступили. Стояли плотно, с перекошенными лицами. Голос у всех сразу пропал. Загонщики лишь судорожно тыкали остриями в сторону зверя.

Шатун опять заревел, как засмеялся. И не встал на задние лапы, как обычно встает поднятый из берлоги потревоженный косолапый, а пошел по кругу, обходя охотников. Здоровый был! Мужики-древляне уж чего в своих лесах только не насмотрелись, а такого не видывали.

– Оборотень это! – вдруг завопил один из них и, будто ополоумев, бросил рогатину и кинулся прочь.

– Куды! Стой!

Зверь точно этого и ждал. Бросок – и медведь уже подмял под себя незадачливого сосновича. Тут бы охотникам и наскочить на зверя, всадить топоры и рогатины в лохматый загривок. А они только смотрели, словно это было наваждение.

Медведь расправился с добычей быстро. Рвать не стал, но заревел зло, торжествуя. Ни один зверь так себя не вел...

Отвлекло его какое-то шевеление в кустах. Он вмиг обернулся, даже не глянув на остолбеневших загонщиков. Теперь медведя привлекла поднявшаяся из кустов маленькая фигурка.

– Малфутка! – крикнул кто-то.

Девочка, о которой охотники уже забыли, теперь стояла во весь рост, смотрела на медленно приближающегося зверя. Охотники будто опомнились, загалдели, стремясь отвлечь шатуна. Но тот даже не повернулся, двигаясь на Малфутку.

Отчего же он вдруг встал?

Позже многие рассказывали, что медведь как на стену какую-то наткнулся. Даже осел на задние лапы. И зарычал дико, взревел так, что деревья в стылом лесу содрогнулись. А потом замотал мордой, рванулся. Наконец-то поднялся во весь свой исполинский рост и пошел, пошел косолапо... Почти вплотную приблизился к девчонке, но неожиданно опрокинулся навзничь.

Тут и мужики наскочили – опускали топоры, тесаки, кололи, рубили, рогатинами давили...

В какой-то момент они поняли, что зверюга мертв. Стояли над ним, переводя дыхание, молчали.

Беледа наконец отпустил ветку, на которой висел, рухнул и застонал, но сразу пополз туда, где, словно столбик, продолжала недвижимо стоять Малфутка.

– Девонька, ты как? Да очнись же!

А она только смотрела на зверя. Лицо девочки было белее снега, отчего темные глаза казались пятнами в пол-лица.

Потом охотники по всем правилам пронзили мертвую тушу осиновым колом и предали огню. Молча творили знаки от колдовства, шептали заговоры. В древлянских лесах, где водится столько нечисти, люди знали, как себя вести. Но у всех на душе было скверно. И только когда, уложив раненых и останки погибших на сани, возвращались в сумерках в селище, кто-то сказал:

– А заметили, что со зверем-то стало? Глаза у него словно лопнули. Мясные провалы почти до ушей-то были.

Кто-то подтвердил: мол, тоже углядел, что вместо глаз у медведя были кровавые впадины. И почему-то покосились на сидевшую подле раненого стрья Малфутку.

– Ну не девчонка же ему глаза выбила? Глядела только она.

Замолчали напряженно. Малфутка, она вообще была странноватая. Мать с ней сладить не могла, к ремеслу бабьему девочка была нерадива, с подружками в ляльки не играла, а все в лес норовила убежать. И постоянно с Беледой на охоту напрашивалась. А люди давно заметили, что ни разу не миновала Беледу удача, если он брал с собой сестрину дочку.

Позже охотники вновь стали вспоминать, как завалился медведь, мотая головой, как опрокинулся, словно специально дав им кромсать открывшееся брюхо. И у

всех было ощущение, будто кто-то помог им одолеть шатуна.

Наконец сидевший на облучке Громодар цыкнул на них.

– Хватит пустое молоть. Ну, поскользнулся зверь, ну, упал. А глаза я сам ему рогатиной выколол.

Мужики только переглянулись. Староста был суров, спорить с ним не любили. А что он зверя рогатиной... Тут у всякого свое мнение осталось.

Через какое-то время раненый Беледа приоткрыл глаза, чуть повернул лицо к склонившейся над ним девочке. И сказал негромко:

– О том ни слова никому, Малфутка. Слышишь, никому.

Часть I

Год 939

Глава 1

Свенельд был из варягов. А так как варягов считали не лучшими стрелками из лука, древлянский князь Мал и затеял это соревнование. Условие поставил: если победит варяг на стрельбище, тогда и поговорят они о задании князя Игоря. А не сможет – пусть придумывает объяснение, отчего не сладилося у него посетить древлянские капища.

Однако Свенельд принял вызов уверенно. Эти дикие древляне мнят себя лучшими стрелками. Что ж, он им покажет, что не зря прославился в степных походах. И он натянул тугой короткий лук на хазарский манер – держа

горизонтально, поперек груди.

Древлян это только позабавило. Ишь, что варяг придумал! Ну-ну, поглядим. И поглядели. Даже притихли, когда оперенная стрела Свенельда сбила на высокой ели шишку на том же уровне, что перед тем и стрела их князя.

– Ну, Мал, друже, что скажешь теперь?

Стоявшие за Свенельдом дружинники его копья[7 - Копье – воинское подразделение, отряд.] довольно загалдели. Ай да воевода, ай да удалец! А еще говорят, что древляне лучшие стрелки на всех подвластных Киеву землях.

Древлянин Мал хитро щурил заплывшие жиром глазки, потирал холеную бородку. Он был молод, но рыхл телом, его подбитый сободем опашень[8 - Опашень – долгополый летний кафтан с короткими широкими рукавами, который носили без пояса, нараспашку.] так и расходился на круглом выпирающем животе.

– Скажу, что это лишь начало. Больно легкую задачу я тебе поставил, варяг. А вот по живой птице попадешь ли?

Свенельду следовало бы возразить, что не так ведь уговаривались. Да только его и самого азарт взял. Был Свенельд дерзок и горяч, любил удаль показать. Потому и согласился. Ну, чем Перун[9 - Перун – бог-громовержец у древних славян, а также покровитель воинов и воинских дружин.] не шутит? Не откажет же бог дружин пособить любимцу своему?

В этот миг к варягу подошел десятник Веремуд и чуть потянул за пояс.

– Не глупи, боярин. Детскую забаву затеял, а дело-то серьезное.

Свенельд только слегка повел плечом. Веремуд – мужик умный, но, как всякий впервые пришедший на полюдь[10 - Полюдь – в Древней Руси – ежегодный объезд подвластного населения («людей») для сбора дани.] к древлянам, всего угадать не может. Действуй Свенельд нажимом, а не хитростью, разве смог бы он удержаться посадником над непокорными древлянами? Ведь до него никто не сумел. И пусть Веремуд был советником еще Олега Вещего, но тут Свенельду

лучше знать, как повести дело.

Он повернулся к десятнику. Это при нем Веремуд десятник, а на самом деле он тайный волхв. Хотя по тому, как выглядит Веремуд – стройный, голубоглазый, со щегольской косицей от виска, – вряд ли можно догадаться, что он из служителей. Но так и было задумано. Никто не должен знать, кто в отряде Свенельда волхв-соглядатай. А уж что молодой воин с косицей и есть тот самый Веремуд, который еще с Олегом ходил на Византию, вовсе не догадаться. Вот она – водица живая: кто принимает ее, молодым годами ходит, не старится.

Только глаза у Веремуда были не юные – холодные, мудрые, опытные. И сейчас в них читалось заметное волнение.

– Ты на толпу погляди, Свенельд. Волхв там. И наверняка не зря лесной отшельник среди люда затесался.

Свенельд лишь взглянул быстро. О ком это Веремуд говорит? Древляне как древляне. Собрались поглазеть на княжью забаву, веселятся. За три года своего посадничества Свенельд успел привыкнуть к их облику: шапки носят с нашитыми меховыми ушами, за что киевляне так и зовут их – ушастыми; бороды отпускают клином, а меховые накидки даже у смердов и простых охотников, как у иных бояр – все соболев, лиса пушистая да куница отборная. Понятно, принарядились, идя к княжьему терему, но все равно более богатого на меха племени да более умелых охотников, чем древляне лесные, не сыщешь среди всех племен на Руси. Даже бабы их шьют себе шубки с красивым узором из меховых шкурок. Такие меховые узорчатые наряды в Киеве стольном дорогом ценятся. А здесь и девки дворовые в них щеголяют.

На баб и девок Свенельд глядел особо. Любил он их, что греха таить. Да и у них успехом пользовался. Вот и сейчас под взглядом варяга древлянки ответно заулыбались. Хоть и желали победы своему князю... Желали ли? Вон ведь как на киевского посланца поглядывают. Был Свенельд-варяг собой весьма хорош. Стройный, гибкий, плечистый, бороду брил по ромейской моде, а светлые волосы у висков стриг коротко, только сзади позволяя расти свободно, ниже плеч. И лицом был пригож: зеленые, слегка раскосые глаза, небольшой, чуть загнутый нос – как у коршуна или ловчего сокола. Рот только был жестким, твердым, выдававшим, что не так и покладист посадник, что умеет не только баб любить да на стрельбищах тешиться.

– Готов ли, друже Свенельд? – окликнул между тем варяга Мал. А сам уже длинный лук натянул.

Два голубя, выпущенные из плетеной корзины, громко хлопая крыльями, взмыли в не по-осеннему ясное небо. Мал тут же спустил тетиву, и одна из птиц, пронзенная навывлет, камнем рухнула вниз под одобрительные крики зрителей. Другой же голубь, быстро работая крыльями, удалялся в сторону зарослей. Свенельд, натягивая поперек груди тугой хазарский лук, поворачивался за ним, наводя стрелу. Короткий, с двойным изгибом лук стреляет дальше длинного древлянского, но вот не подведет ли глаз?

И вдруг – толчок под локоть. Осторожно так, словно сам воздух уплотнился под удерживающей стрелу рукой.

Стрела свистнула, срываясь, щелкнула тетива. Даже не проследив за ее полетом, Свенельд быстро оглянулся, ища взглядом того, кто посмел ему помешать. Нелепость – не было за ним никого. Только галдели люди, следя за тем, как второй голубь, махая крылом, перекувыркиваясь, полетел в кусты. Сбил-таки птицу варяг. Он и сам удивился, что сбил.

Услужливые холопы уже несли судьям-боярам подбитых голубей. Первый был мертв, а вот второму стрела только пронзила крыло. Стали судить и рядить – не считать ли это поражением? Поднялся шум. Дружинники Свенельда доказывали, что выстрелы равносильные, раз их старшой сбил птицу, которая улетела намного дальше. Сам же Свенельд был растерян. Поискал глазами Веремуда. Тот вроде взялся оглядеть лук посадника, но сказал негромко:

– Почуял? Говорил же тебе – волхв в толпе. Он мешает. Ну ничего. Я ему глаза-то отведу маленько, если еще пожелает вмешаться.

Теперь и Свенельд стал выглядывать того, кто мог ему помешать. Ведь волхвы древлянские и впрямь все до одного слывут кудесниками. И увидел наконец: там, где расположились старшины родов, стоял высокий статный мужик. На первый взгляд такой же, как и уважаемые древлянские старшины: гладко расчесанные седые волосы, белая борода, только вот брови темнее сажи и глаза под ними молодые, яркие в своей черноте на бледном породистом лице.

Свенельд встретился взглядом с волхвом и почувствовал, как чужая воля словно давит на него. Ну уж, лапти тебе, отшельник, а не посадником помыкать. Свенельд даже хмыкнул презрительно.

– Ну что, продолжим, чтобы уяснить, чья победа, али и так договоримся, когда на капища отправимся?

У Мала был озабоченный вид. Окружившие его бояре выглядели недовольными. Свенельд расслышал, как они даже пеняли Малу за то, что тот по молодости да неопытности затеял стрельбища. Дескать, надо было отказать наотрез – и все тут. Как же, попробуй откажи посланцу из Киева. Да у него отборных витязей с собой на полюдье пришло поболее, чем вся дружина в Искоростени.

– Продолжаем, киевлянин. Но учти – если хуже меня пустишь стрелу...

– Знаю, знаю. Отсижу полюдье, как и ранее. Но и ты слово держи, князь, если обойду тебя. Ибо давно мне на ваши капища тайные хотелось поглядеть.

Мал выглядел непривычно хмурым, смотрел исподлобья. Но слово он перед всем народом давал, теперь не отступишься.

Стрелкам принесли особые стрелы, с полукруглыми остриями-лезвиями на конце. Такие в битве и руку отсечь могут, а тут надо всего лишь нить простую. Правда, подвешены на нити два лисьих хвоста и нить надо срезать стрелой аккуратно над мехом. Тут можно и промахнуться, особенно когда по знаку хвосты раскачали и нить заколебалась, еле видимая на фоне серых кустов с облетевшей листвой.

Свенельд вновь выгнул хазарский лук, но опять ощутил помеху. Снова показалось, что кто-то невидимый подталкивает... Но тут же это ощущение прошло, только люди вокруг зашумели, когда неожиданно стрела Мала сорвалась с тетивы, ушла вообще в сторону, исчезнув в зарослях. Промазал древлянский глава!

Теперь Свенельду только бы не оплошать. И он прищурил глаз, метя в колышущуюся едва различимую мишень. Подумать только, от какой мелочи зависит важное дело! И если он промажет... Как же тогда поглядит в строгие серые очи своей государыни? Как объяснит, почему уступил, не подчинил

древлян ее воле?

И подумав: «Для тебя, Ольга!» – он отпустил тетиву.

– Вот и говори после этого, что варяги только на воде воины, – судачили в толпе. – Ишь, как сумел лисий хвост срезать! Ни волоска меха не зацепил.

Свенельду были приятны эти разговоры. Как льстила и мысль, что не зря о нем Ольга перед мужем и киевскими боярами хлопотала, считая его достойным посадничества. Не подвел ее Свенельд. А новое, необычное поручение...

Вечером за трапезой Свенельд сидел подле Мала, пил с ним из одного ковша, притворяясь пьянее, чем был на самом деле.

– Да не журишь ты, княже. Подумаешь, обошел тебя на стрельбище! В другой раз ты меня поучишь, как без перчатки тетиву спускать. Ты стрелок отменный, в том я сам могу поручиться. И как вспомню наши былые ловы... Эх, вот покажешь мне, где ваши капища, и мы с тобой еще поохотимся, как в прежние времена. Так ли я говорю, Мал?

И Свенельд пьяно наваливался на родовитого главу древлян.

Тот что-то говорил о том, что негоже чужаков в святые места древлян пускать, но Свенельд лишь смеялся, твердил об уговоре, о том, что ему самому дела нет до мест подношения треб[11 - Треба – языческое подношение, жертва богам.] богам. Но сам понимал, что замыслил опасное. После князя Олега никто не смел на капища древлян ходить.

Теремная девка с длинными рыжими косами, наливавшая в чашу-братчину хмельного местного меда, прильнула грудью к варягу Свенельду, выразительно поглядывая на него:

– Ах, сокол киевский, очи-то у тебя какие зеленые. Ну, что трава-мурава.

Свенельд, смеясь, хлопал ее пониже спины, подмигивал. Немало у него уже было любовных связей с древлянками за годы посадничества. Да и не только у него. Его дружинники тоже слюбились с местными девками, иные и детей

завели. Некоторые из витязей киевских и сейчас сидят в обнимку со своими ладами. Даже Веремуд. Веремуд? Свенельд потряс головой, словно не веря увиденному. Его тайный волхв обычно блюдет целомудрие, баб сторонится, нынче же и он усадил на колени румяную хохотушку из местных. А ведь еще недавно был мрачен, как будто нездоровый. Свенельд понимал, что это у Веремуда после противостояния с местным кудесником. Ведь именно Веремуд силу кудесника на Мала перевел. И, видимо, непросто ему это далось.

– Силен чернобровый волхв, – только и сказал тогда Веремуд Свенельду в толпе поздравлявших, а сам тут же отошел, чтобы не привлекать внимания.

И не зря. Подливая гостю меда, Мал все выпытывал: нет ли среди киевских витязей таких, кто с чародейством знается? Свенельд только хохотал, удивляясь, как такое Малу на ум могло прийти. Верил ли ему Мал? Вряд ли. Они оба уже успели оценить друг друга. Даже сошлись кое в чем. И выходило, что Свенельд одну дань с полюдья в Киев стольный слал, а другую, с дарами от Мала, в свои вотчины отправлял. А что? Только дурень от выгоды да богатства откажется. Правда, теперь приходилось помалкивать, что древлянский Мал еще и свою политику ведет, без дозволения Игоря с некоторыми племенами торгует да связи налаживает. Однако пока Мал под властью Киева оставался, Свенельд не видел в том особого вреда. А то, что он об этом в Киеве помалкивает... Что ж, иначе он не пробыл бы долго на посадничестве. Выжили бы его древляне, как других до него.

– Спать я пойду, – пьяно поднимая голову, сказал наконец Свенельд. – Да и побратимы мои военные что-то разгулялись. А им перед завтрашней поездкой следует выспаться.

Свенельд начал подниматься, покачнулся, опрокидывая кубки и заливая медом белую скатерть.

– До дружинной избы дойдешь ли? – смеясь, спросил Мал. – А то гляди, я горницу велел для тебя приготовить. Ложе куньим мехом выстлать, печь-каменку пожарче растопить.

И рыжая девка тут как тут, подхватила хмельного посадника, повела к двери во внутренние покои.

Однако в бревенчатом переходе рыжая ласкавка вдруг вывернулась из-под руки, шмыгнула куда-то. Свенельд сразу выпрямился, огляделся. Но спавшие на полу теремного прохода холопы стали вскидывать головы, дивясь, как это быстро хмель с варяга схлынул, и он пошел вперед. Откинул меховую полость на двери, шагнул в прогретую горницу, где пахло развешанными по стенам травами, и закрылся.

Свенельд не видел, что после его ухода холопы, как по приказу, вдруг уронили головы и мгновенно заснули. А в конце перехода вновь показалась рыженькая девушка. Да не одна, а с темноглазым высоким волхвом. Девушка глядела на кудесника испуганно и послушно. Он же прислушивался к голосам в гриднице[12 - Гридница – просторное помещение для пиров и собраний знати.], где с шумом расходились дружинники Свенельда, отправляясь в назначенную для постоя дружинную избу.

– Рано еще, – сказал волхв. – Пусть все угомонятся.

– Так может, я пойду пока?

Волхв поглядел на девушку, и она задрожала. Он же вдруг улыбнулся, провел по ее лицу ладонью. И она как стояла, так и замерла с открытыми глазами, словно превратившись в неясную тень. Одновременно из нее дымок голубой заструился, обволок возвышающегося рядом чародея, и он будто стал уменьшаться. А через миг превратился в такую же точно рыжекосую девицу. Только эта не спала. Стояла серьезная, нахмурившись и прислушиваясь. Протянула руку, и дверь в гридницу сама собой захлопнулась, опустились засовы.

Девушка-волхв прислонилась к стене, стала ждать.

Свенельд внимательно огляделся у себя в горнице. Проверил засовы на двери, осмотрел крепкие бревенчатые стены. На одной было вырезано небольшое, прикрытое ставнем окошко, человеку в такое не пролезть. И все же варяг был осторожен. Лег на широком ложе не раздеваясь. Кольчуги на нем после пира, ясное дело, не было, только кожаная стеганая подкольчужница, но у пояса висел длинный кинжал вороненой стали, еще был нож за голенищем высокого шнурованного сапога. С древлянами всегда надо быть начеку. Их приветливость его не обманывала.

Для листопада[13 - Листопад – ноябрь.] в горнице было жарко натоплено. Мягкая постель шуршала свежей соломой под устилавшими ее мехами, изголовье было пышно взбито. Так и тянуло заснуть. Но Свенельд только закинул руки за голову, поглядывая, как дымок от каменки уплывает в открытую под скатом крыши отдушину. Ему было о чем подумать. Бравада бравадой, но он понимал, какое непростое задание дали ему на этот раз в Киеве.

Древляне всегда были диким непокорным племенем, всегда враждовали с Киевом. То, что Олег подчинил их так быстро, многих тогда удивило. А вот что после смерти Вещего они сразу от Руси поспешили отказаться – словно и ожидали.

Наследовавший Вещему Олегу князь Игорь Рюрикович взялся вернуть диких древлян под руку Киева. Игоря уже тогда звали Старым, но не потому, что князем стал, когда уже третий десяток разменял, а потому, что седина ранняя у него почти с отрочества пробивалась. В остальном же был Игорь молодец молодцом, ибо те, кто пьет живую чародейскую воду, не стареют. Однако поход против восставших древлян был его первым большим делом. И уж сын Рюрика себя показал. Вышел на древлян с сильной ратью, до столицы их Искоростеня дошел быстро и там схлестнулся с воинством родовых князьков. И хотя славилась древляне умением биться в дремучих лесах, не им было устоять против витязей, которым и Царьград великий был не преграда. Вот и полегло воинство древлянское в той сече. Взятых в плен древлянских князей Игорь предал лютой казни, а их детей и наследников вырезал, дабы никого не осталось, кто бы мог над племенами встать да новое своеволие возглавить. А вот отчего Игорь Мала не тронул? Малу тогда было только четыре года, он один оставался от рода древлянских вождей, которые от богов обладали правом стоять над этой землей. Вот Игорь и решил пощадить его, отвез в Киев, надеясь, что там Мала воспитают преданным власти князей Руси. И Мал долго именно таким и казался. До той поры, пока Игорь с Ольгой не отправили его в Искоростень, ибо ни один наместник Киева не мог надолго удержаться над древлянами. Своего же Мала древляне приняли, а насколько тот оказался хитер и коварен, это уже позже Свенельд разузнал. Не сказало на древлянине Мале киевское житье, и хотя он исправно принимал русских посадников на полюдь и дань платил положенную, но именно здесь, на древлянской земле, он ощутил свою истинную силу. И вокняжиться ему помогли древлянские волхвы-чародеи.

Со стороны казалось, что Мал выполняет все как должно. Связи с Киевом не порывал, купцов русских пускал на торги, своим не запрещал в Киев на мены

ездить, разбои древлянские на торговых путях прекратил. На первый взгляд, еще одно подчинившееся Руси племя, да и только. Однако на деле не все так гладко оказалось. Ибо постепенно, как это и в других землях происходило, начали поляне[14 - Поляне – древнее славянское племя, обитавшее по Днепру с центром в Киеве, соседствовали с древлянами.] и поселенцы из разных племен Руси расселяться в ставших мирными древлянских лесах. Дубы выкорчевывали, поля засеивали, растили жито-хлебушко. Славянские племена хлебопашеством занимались, в том их сила и богатство. Древляне же все больше охотой и иными лесными промыслами жили. Поэтому то, что пришлые заселяли их землю, торговали с ними житом, казалось, всех поначалу устраивало. Поселения пришлых огнищан[15 - Огнищане – поселенцы, освобождающие землю выжиганием и выкорчевкой леса.] теперь до самого Искоростеня простирались, браки общие стали заключаться. А вот как проникли иноплеменники за межу искоростеньскую... Сперва тоже казалось, что ничего особенного не происходило. Но потом начало твориться страшное. Люди в ужасе бежали с тех мест: рассказывали, что не стало больше житья человеку, нежить и чудища всякие одолевают, губят нещадно. Жуть лесная не пускала русичей в древлянские пределы. Вот и выходило, что за Искоростенем не существовало власти Киева. А тот, кто пытался проникнуть дальше, или пропадал бесследно, или возвращался в страхе и даже говорить о пережитых ужасах не решался.

Свенельд еще в прошлые годы, когда с Малом ездил в дальние боры, заметил, что переселенцев там не встретишь. Однако сам Свенельд не болел в страхи местные верил, был он человеком не суеверным, считал, что против доброго булата да воинской выучки никакая иная сила не устоит. И про себя решил, что, скорее всего, сами же древляне пугают пришлых, изгоняя из своих мест. Так и сказал в Думе. Князь Игорь такого же взгляда придерживался, говорил, что, если положение не изменится, он берется вновь пройти с воинством по дальним рубежам древлян, припугнуть их да силу свою показать. А вот жена его, княгиня Ольга, почему-то засомневалась. Была она женщина трезвомыслящая, потому и дивно, что наветам этим поверила. Тем не менее Ольга созвала самых мудрых кудесников-ведунов и велела им погадать. После ворожбы ответили ей чародеи такое: надо узнать, в чем особая сила древлянских чаш, а для этого нужно посетить скрывающиеся в лесах капища.

Вот и велела Ольга посаднику Свенельду побывать в местах поклонения древлян и проверить, что к чему. Не понравилось ему это поручение, хотя и он должен был задуматься, отчего это древлянские капища не расположены, как у других племен, в людных местах, куда верующим легче приносить подношения богам-покровителям. Ведь и волхвы теми подношениями кормятся, а капища их

богатеют. У древлян же капища всегда прятались в чащобах, и чужих туда не пускали. Вроде обычай такой у древлян. Ну, обычай обычаем, да только и волхвы местные к людям не больно спешили, вызывать их приходилось в самом крайнем случае. А если волхв и появлялся среди людей, то его явно побаивались.

Обо всем этом и думал посадник Свенельд, глядя на отдушину под стрехой. Уже стало совсем темно. В тереме князем все затихло, а он, вместо того чтобы перед выступлением выспаться, все размышлял да сопоставлял. Станным казалось, что Мал так всполошился и всякие отговорки придумывал вроде стрельбища нынешнего. Но ведь прежде Свенельд не раз ездил на ловы с «другом» Малом в дальние земли и ничего странного там не замечал. Однако раньше он никогда капищами не интересовался, не требовал их посещения.

Обдумал Свенельд и неожиданное появление древлянского волхва на нынешнем состязании. Веремуд уверял, что именно волхв этот мешал варягу поразить цель. А ведь и впрямь было похоже на то. Да и Веремуда тайно в дружину направили, чтобы старый советник Олега проверил то, что простому смертному ведать не дано.

Где-то в ночи протяжно прокричала сова. Тихо было кругом, сонно. Чуть колыхались по бревенчатой стене отблески огонька от подвешенной лампы. От разогретой каменки тянуло теплом. Свенельд еще поворочался беспокойно, потом уже и подремывать начал, как вдруг в дверь кто-то тихонько поскребся.

Сна как не бывало. Одним прыжком варяг оказался у двери, положив руку на рукоять ножа.

– Отопри, боярин, отопри, – негромко прозвучал из-за двери тоненький женский голосок. – Я это, Руда. Мне князь не велел тебя тешить, а ныне все спят, вот я и пришла. Пива тебе принесла жбанчик. Пусти к себе, любый.

Свенельд невольно заулыбался и отворил засов. Девушка скользнула внутрь, пригнувшись под низкой притолокой. Варяг тут же обнял ее, притиснул к стене. А она все хихикала, прячась от него за жбан с пенной жидкостью. С верхом было налито, вот и облились оба.

Свенельд пива испил – и к девке, но она вдруг стала уворачиваться. Даже посерьезнела.

– Послушай, что скажу тебе, любый. Да погоди ты, за серьезным я пришла. Весть у меня. Волхвы местные кудесника в отряде твоём приметили и погубить хотят. Так что не медли, варяг, скажи, кто волхв-то ваш, а я его выведу из града, схороню до поры в надёжном месте.

Рука Свенельда до этого смело шарившая за пазухой у девушки, замерла. Он отстранился от рыжей, откинулся на меха, облокотясь на локти. Посмотрел пытливо.

– Что это ты, девка, пришлому помочь хочешь?

Она кокетливо повела плечиком, с которого соблазнительно сползала рубаха. Улыбнулась.

– Разве я дурно поступлю, если жизнь кому-то спасу?

Улыбка у рыжей Руды приветливая, веселая, а вот глаза глядят серьезно. И глаза такие темные. Раньше она светлоглазой казалась. Хотя, может, это от неясного освещения в горнице? Ещё Свенельд подумал о том, что, как бы ни были мудры древлянские волхвы, не одолеть им, не распознать среди его людей Веремуда, с которым даже сам Олег Вещий считался. Так что нечего тут думать. С хитрецей эту девку заслали, чтобы выведала, кто из дружины Свенельда их тайны узнать сможет.

– Ты, красавица, дурно поступишь, если меня сейчас не ублажишь. – Он вновь потянулся к шнуровке на груди девушки. – Кудесник в дружине? О чем таком толкуешь, красавица? Да неужто такому витязю, как я, ещё и чародейская сила понадобится?

Он почти подмял её под себя, но подмял грубо, так как Руда вдруг начала вырываться, даже лицо исказилось. И это одна из покладистых теремных девок? Рвалась, сцепив зубы, царапаться начала. И такой ужас вдруг проступил на её лице, что варяг подивился: неужто девственность свою так бережет? И даже зазор похотливый ощутил. Совсем как в прежние времена, когда в походах брал силком невольниц.

Но все же разобрал её задыхающиеся слова:

– Если не тронешь меня, я все тебе скажу. Все, слышишь, варяг. Такое больше тебе никто не скажет.

Это было уже интересно. Свенельд ослабил хватку, дав девке подняться, посмотрел на нее, все еще учащенно дыша. Она же выскочила дикой козой, глядя невероятными черными глазищами. И лицо злое такое стало.

– Ты Игорю служишь, варяг. Ты рабом его стал и ничто тебя более не волнует.

Ага, разозлилась. Свенельд же, наоборот, успокоился.

– Ошибаешься, голубушка. Я не раб его – я его друг.

– Друг, который на жену своего князя зарится?

Свенельд резко выпрямился, ощутив внезапную ярость. Руда же пятилась, выставив руки ладонями вперед, словно обороняясь.

– Вот-вот. Заришься, закусив язык. Да, ты не раб при Игоре, ты пес князя. Так быть же тебе псом. Шавкой дворовой.

Она по-прежнему держала руки ладонями вперед, но руки эти вдруг стали странно меняться. Маленькие ладошки вытянулись, начали покрываться трещинками морщинок, а от них словно ветром холодным потянуло. От его внезапного порыва у девушки рыжие косы отлетели в стороны и опали распущенными седыми космами. И не было больше дворовой девки Руды – перед Свенельдом стоял крепкий худой старик с длинным лицом, глаза под черными бровями огнем полыхали. Ростом он вдруг вытянулся так, что Свенельду пришлось задрать голову, глядя на него. Да и сам Свенельд будто изменился, уменьшился, ноги укоротились, истончились, став пятнистыми собачьими лапами. От ужаса варяг вскричал. Но вышло – залаял, заскулил по-песьи. И рванулся в сторону, с ужасом понимая, что бежит на четвереньках, натываясь на лавки, мечется из угла в угол по горнице, отпрянул от жара ставшей вдруг непомерно огромной каменки. Били в нос запахи: резкие запахи трав, дыма, запах самого страшного старика-волхва – кисловатый, опасный.

Когда волхв больно пнул пятнистую дворнягу ногой, Свенельд заскулил тонко, хотел отскочить, но жесткая рука уже схватила его за загривок. Все что мог теперь бывший посадник, это скалить маленькие клыки да рычать в ненавистное лицо волхва. Волхв же был доволен.

– Говорил же я тебе, что ты пес, Свенельд. Так и вышло. Шавка ты дворовая. И оставаться тебе в собачьей шкуре до тех пор, пока на вашего кудесника меня не выведешь. А теперь – ату! Ищи его, ищи!

И волхв, рывком открыв ставень на окошке, вышвырнул светлую пятнистую собачонку на покатую кровлю нижней галереи.

Свенельд скатился по дощатому настилу кровли, упав вниз. Больно ударившись боком, он заскулил. А когда поднялся, то уже чувствовал себя обычной дворнягой. Псом, покорным воле хозяина, пославшего его на поиск. Он знал, куда бежать. Опустив нос к сырой земле, затрусил послушно туда, где выступала кровля длинной дружинной избы. Еще не разглядев ее, учуял узнаваемые запахи: тепла, меховых полостей, людского дыхания. На миг оглянувшись, рассмотрел наверху светящееся окошко теремной горницы, а в нем силуэт строгого хозяина. Даже хвостом завилял, глядя на него, выгнув непривычно длинную шею.

У теремной избы нес охранную службу уный[16 - Уный – младший дружинник.] в длинной кольчуге, он сидел на верхней ступеньке, держа поперек колен копье. В отсвете слабого месяца чуть высвечивался его широкий ромбовидный наконечник. Пятнистая дворняга негромко чихнула, уловив исходящий от дружинника неприятный запах душистых притираний. Но разум ее, который еще не все, как оказалось, забыл, подсказал: это Коста, молодой красавчик воин, не так давно примкнувший к отряду Свенельда. Только этот парень из небедной семьи киевского мастера-шлемника позволял себе такое дорогое удовольствие, как византийские притирания: видать, хотел заманить какую-то местную древлянскую красавицу. Вот Свенельд и назначил его в дозор, чтобы по легкомыслию не лазил по девичьим.

И тут дворняга замерла. Непривычные для собаки мысли-воспоминания словно дали ей очнуться. Да что же это такое?! Пес ли он дворовой или... еще человек? И ужаснулся тому, что должен сделать. А должен он пробраться в дружинную избу и разыскать волхва Веремуда, чтобы пославший его волхв знал, кого погубить. Ибо только тогда Свенельд вновь обретет человеческий облик. Но

предаст своего человека. Предаст князя, предаст Ольгу, которую любил и восхищался ею бесконечно.

Это были путанные, неприятные мысли. Но еще неприятнее была чужая воля, направлявшая, давившая. И пятнистая дворняга пошла вперед. Странно пошла, будто спотыкаясь на каждом шагу. Такая мука нахлынула на несчастного пса, что он вдруг поднял узкую морду к месяцу и протяжно завыл, выразив в этом вое-стоне все свое отчаяние.

Коста на крыльце уже начал было подремывать, но тут сразу очнулся.

– Ты чего это, песик? Чего воешь? А ну иди сюда, маленький.

И губами причмокнул. Лучше бы он этого не делал, ибо глупая дворняга так и засеменила к нему, виляя хвостом. В глубине сидел ужас, оттого, что последнее человеческое в нем исчезало. Сейчас прильнет к ласковому воину, а тот, пожалуй, в избу погреться пустит. И уже тогда только воля древлянского волхва останется, только желание найти среди отдыхающих дружинников Веремуда.

Спасение пришло неожиданно. И странное спасение. На вой незнакомой шавки выскочили из закутов спущенные на ночь псы и ринулись на дворнягу с лаем. Свенельд отскочил прочь, сначала за поленницу у сарая сумел заскочить, рыча оттуда и скаля зубы, а когда лохматый волкодав так сиганул на сложенные поленья, что они начали рассыпаться, заметался кругами по двору, огрызаясь, изворачиваясь и с ужасом понимая, что это конец. Ловкие и сильные дворовые псы сейчас нагонят, завалят, разорвут чужую собачонку.

Спас Свенельда Коста. Когда огромный черный пес уже рванул дворнягу, почти подкинув, унылый с размаха метнул в него копьё. Напавший так и зашелся пронзительным визгом, остальные псы на миг отскочили, а пятнистая шавка, повизгивая от боли в боку, метнулась к той же поленнице, вскарабкалась по выступающим бревнам наверх и спрыгнула по другую сторону частокола.

Свенельд через голову полетел на сырую от недавних дождей землю, взвизгнул и бросился прочь, не переставая скулить. Он несея среди огромных по сравнению с маленькой собачонкой заборов, стылая осенняя ночь оглушала множеством запахов, встречный ветер холодил высунутый язык. Это оказалось даже приятно, дворняга замедлила бег, отрывисто дыша. Она уже почти

останавливалась, когда какой-то звук привлек ее внимание. Колотушка ночных сторожей. А там и привычный оклик раздался. Привычный – это значит что-то вроде: «Почивайте, люди добрые, тихо все». Но для усталой бездомной дворняги это был лишь некий набор глупых звуков. И Свенельд с ужасом стал понимать, что, удалившись от того, кого ему приказано найти, он неотвратно превращается в собаку. Забилась последняя мысль: «Помни, ты человек, человек...»

Пес кинулся прочь от ночного дозора. Впереди выступали ворота города с резными изваяниями столбов, темнели бревенчатые кубы защитных башен ограды. В холодную ночь стражи не спешили выходить, было безлюдно. И стоял запах. Свенельду-собаке он показался резким, но не был неприятным. Запах свежей крови. А еще... Кто-то мучительно и еле слышно стонал. Настолько тихо, что, не обладай сейчас Свенельд острым собачьим слухом, он не уловил бы ничего.

Пес пошел на запах, вздернул голову. И вдруг стал соображать куда более связно, почти не путаясь в песнях восприятия и в отголосках исчезающей памяти. Да, он узнал это место. Тут, перед главными воротами Искоростеня, был посажен на кол христианский миссионер. Свенельд сам недавно ходил смотреть на казнь. Недавно? Теперь он даже время понимал по-человечьи – вчера утром это было. Но тогда он не придавал значения казни христианина, как вообще не придавал значения этим присланным из Византии или Болгарии служителям покорного Бога Христа. Сейчас же он сидел около умирающего миссионера и даже размышлял, наслаждаясь почти разумным умением сопоставлять мысли. Главное, не вспоминать Веремуда, ибо оставалось опасение, что наказ древлянского волхва опять войдет в силу, пробудит желание выполнить его волю. Поэтому пятнистый пес то и дело задира морду, поглядывая на страшный силуэт на колу.

Христианин был в беспамятстве, стонал, издавая уже последние вздохи. Крови от него по обструганному бревну натекло много, скопилась лужицей у основания. Сажали священника специально на толстое бревно, чтобы подольше мучился. Отчего-то древляне особенно ненавидели тех, кто нес в их земли чуждую им веру в Бога, позволившего распять себя. В других славянских краях к христианам относились не так враждебно. Ну, ходят себе служители в темных одеждах, носят на груди знак креста да рассказывают небылицы о том, как Христос исцелял недужных и проповедовал добро. Особого вреда в тех рассказах не видели. Некоторым даже нравилось послушать байки

проповедников, приглашали их в дома, кормили, позволяли пожить. Встречались и такие, кто начинал верить, тоже носить крест, но под одеждой, чтобы не смешить люд своим легковерием. А вот у древлян христианских проповедников ненавидели люто. Если встречали таковых – сразу жестокой смерти предавали, рвали на части, резали или на потеху толпе сажали на кол, чтобы в муках умирали. Интересно, отчего такая ненависть?

Дворняга зевнула. Захотелось лапу поднять у кола, облегчить малую нужду, но отчего-то это показалось неразумным, почти святотатством. Пес удивился этому, как и странному ощущению, будто здесь, подле умирающего христианина, он находится под защитой. А вот что думается так легко – радовало. Даже пришла благая мысль, что он, Свенельд, просто спит. От такой обычной и хорошей мысли пес довольно рыкнул. Он просто спит, ему снится кошмар. А как взойдет над миром ясное Хорос-Солнышко – и он вновь станет воеводой, посадником над древлянами, любимцем княгини Ольги, другом и поверенным гордого киевского князя Игоря Рюриковича!

Вдали загорланили первые петухи. Сырая осенняя ночь еще была черна, а домашние птицы уже призывно будили зарю. Скоро и люди начнут просыпаться. Очнется от своего кошмара и Свенельд. А как подумал про это... тотчас и проснулся.

Варяг лежал в прежней горнице, свернувшись на мягком меху, так как каменка за длинную ночь почти остыла, в приоткрытое окошко веяло утренней сыростью. Свенельд сладко потянулся, распрямляя онемевшее тело. Лежал, улыбаясь во тьме. О великий Перун, приснится же такое! Следовало все же поменьше меда вчера пить. Хотя разве так уж много выпил? Все больше притворялся. И подумалось совсем по-деловому о другом: о том, что должен выехать с дружиной на древлянские капища. Ничего, Мал проведет. Никуда теперь не денется. Да и не ждал ничего особенного Свенельд от этой поездки. Все это чушь и бабские сказки о нечистой силе древлян. После пережитого кошмара и внезапного пробуждения это казалось тем более понятным. За все двадцать семь своих зим, за полную событий и впечатлений жизнь, не встречал Свенельд чудных страстей. Сегодняшний сон, пожалуй, был самым необычным и страшным из всего, что он мог припомнить.

В тереме начиналось движение, слышались поскрипывания половиц, негромкие голоса. С хозяйских дворов долетало звонкое кукареканье петухов. Прошла недалеко, совершая обход, стража.

– Новый день настал. Вставайте, люди добрые!

Взгляд варяга задержался на ставне окошка. Что-то он не был уверен, что отворял его. Вот во сне...

Свенельд тряхнул головой, прогоняя остатки сна, откинул кунью полость, приподнимаясь. И невольно поморщился, оттого что саднило в левом боку. Замер. И вдруг жутко так сделалось. Стал торопливо расшнуровывать кожаную подкольчужницу.

Огонек на носике глиняной лампы все еще слабо горел золотистым светом. И варяг заметил, что с руками у него не все ладно. С одной стороны – руки как руки, узнаваемые длинные пальцы, ставшие жесткими от меча и поводьев ладони. Не лапы же песьи. И все же слывший чистюлей Свенельд не мог припомнить, чтобы хоть когда-то они были такими грязными, даже земля чернела под аккуратно подрезанными ногтями.

Холодок страха становился все отчетливее, все гаже. И тогда Свенельд решился. Рванул шнурки куртки на саднившем боку, резко задрал исподнюю рубаху.

На левом боку, на белой коже хорошо виднелись багровые следы от собачьих зубов.

Глава 2

Поездку по древлянским лесам вряд ли можно было назвать приятной. Чуть проторенная дорога вела чащей, вековые деревья закрывали небо, подлесок наступал на тропу. Вокруг бурелом, непроходимый лес – тяжелые места. Путники двигались уже третьи сутки. Впереди на лохматой гнедой ехал Мал, за ним следовало несколько его бояр, молчаливых, хмурых, в надвинутых до самых глаз шапках с провисшим от влаги мехом. То один, то другой из них порой оглядывался на следовавшего во главе русичей Свенельда. Посадник был в воинском облачении: в высоком шишаке, в кольчуге мелкого плетения, подбитом волчьим мехом кожаном плаще.

На ночь останавливались в древлянских селищах, а с утра – вновь в путь. Мал свое гнул: дескать, капища далеко, а погода не располагает к дальним переходам, дождю конца нет. Вот дождались бы мороза... Но Свенельд только приказывал – вежи, и Мал не смел перечить. Да и сам Свенельд был непривычно угрюм, напорист, непреклонен. Даже нескончаемый осенний дождь был ему нипочем.

В глухом лесу пришлось растянуться цепочкой. По приказу Свенельда сразу за ним ехал унылый Коста. Парень был доволен, что посадник приблизил его к себе. Коста даже напевал что-то тихонько, только однажды громко заметил, что не иначе как волхвы постарались с ненастьем, ибо, когда он перед поездкой нес ночной дозор, небо было ясным, светил месяц и ничего не предвещало дождей. Свенельд тоже это помнил. Помнил, как вылез на луну, задрал собачью морду. Но он заставлял себя не вспоминать об этом. После всего происшедшего, после ночного кошмара в нем только окрепло желание разобраться с древлянским колдовством.

Первый день, когда они отъехали от Искоростеня, дорога была еще сносной, да и места сначала были вполне обжитыми – встречались погосты с резными изваяниями божеств – Сварога, подателя огня, Велеса, с увенчанным рогатым черепом навершием, Стрибога – покровителя ветров и подателя удачи на охоте. Через ручьи были перекинuty мостики, попадались отдельные землянки, от которых тропки вели к довольно обширным родовым селищам – до двадцати дворов. Все это были селища древлянских родовых общин, однако пока они не встретили ни одного капища, как бывает обычно в других землях.

После второй ночевки места стали более дикими. Лишь изредка попадался сруб избы или встречалась землянка с присыпанной хвоей дерновой крышей, но опять же – ни одного капища, куда принято сходиться для приношения треб.

– Али они святилищ вовсе не имеют? – спросил как-то на узком повороте дороги Коста, догнав Свенельда и чуть тронув его стремя своим.

Варяг даже не глянул на уного: больно много тот себе позволяет, старшего в пути пытаться. Свенельд специально приблизил к себе надушенного мальчишку. Коста был единственным, с кем он общался в своем кошмаре, и о том могли знать. Ну, а поскольку Коста был не из бедной семьи – и конь у него хорош, и плащ на кожаной подкладке, шлем высокий с чеканкой по ободу, – можно было

решить, что он не простой воин. И, приблизив его к себе, Свенельд отводил внимание древлян от Веремуда. Не зря, как оказалось. Присмотревшись, Свенельд, какими глазами Мал и его приближенные стали поглядывать на молодого воина, перешептываясь между собой.

Сам Коста ничего не замечал. Его заботило иное: Свенельд приказал ему иногда отставать и держать связь с Веремудом, но так, чтобы никто ничего не заметил. И парень справлялся. Вот вновь, придерживая коня и пропуская двигавшихся цепочкой дружинников, он для вида переговорил с двумя-тремя – Веремуд был одним из них – и опять догнал Свенельда. Доложил негромко:

– Он сказал, что тут с дороги съехать надо и двигаться по чаще к низине.

Когда Мал и его спутники услышали волю посадника, они даже опешили сначала. Мал недовольно наморщил маленький нос.

– Неразумное надумал, Свенельд. В такое-то ненастье, по бездорожью и дождю...

– Неужто ты, глиняный князь, раскиснуть боишься? Или мест здешних не знаешь?

Свенельд как будто шутил, но в голосе чувствовалась решимость. И коня он уже повернул, уклонившись от хлестнувшей по лицу влажной ветки. Мал тоже двинулся следом, ворча, что Свенельд еще пожалеет о своем решении. Дескать, чащ древлянских посадник не знает, тут не то что конному, но и пешему трудно пробраться. Что уж говорить о верховых дружинниках.

Лес и впрямь, едва съехали с пути, стал непролазной чащею. Вековые дубы росли стеной, по ним карабкались полчища вьюнков, сейчас сухих, мертвых, черных от сырости. Бурелом преграждал проезды, мшистые сырые бревна были будто специально навалены поперек дороги, их острые сучья, словно копья, были нацелены на пробирающихся между стволами всадников. Как и предсказывал Мал, вскоре стало ясно, что с лошадьми и думать нечего тут пробраться. Свенельд приказал части дружинников остаться с лошадьми, а остальным идти за ним пешими.

Мал ворчал что-то насчет блажи посадника. Один раз предложил свернуть в расположенное не так далеко большое поселение, которому покровительствовало старое мудрое дерево – Сосна-Мать. Передохнули бы там, подкрепились, да и обсохнуть не мешает. Но Свенельд не удостоил древлянского князя ответом. Он заметил, что Веремуд проявляет странное беспокойство: останавливается, стоит, будто прислушиваясь к чему-то. Сам Свенельд ничего странного не замечал. Только сыро, влажно, вода стекает по наносью шлема, ноги хлюпают в грязи. Да и темно, словно уже поздний вечер: огромные сосны закрыли небо, ольшаник уступил место высоким и могучим елям на склонах оврагов. Тропинка настолько сузилась, что пришлось прорубать ее железом. Свенельд первым выхватил тесак, рубил острый кустарник со спутанными побегами вьюнков, продирался в чащу.

Мал топтался рядом, подтрунивая над одержимостью посадника, над его слепой преданностью нелепому повелению князей. Свенельд тоже подумал бы, что зря старается, если бы не воспоминание о случившемся той памятной ночью... И от продолжавшей саднить раны его решимость только крепла.

Веремуд вдруг обогнал остальных воинов и, подойдя к прорубавшему путь посаднику, тоже выхватил секиру, стал крушить подлесок, да так рьяно, словно спешил куда-то. Мал и его спутники переглянулись, зашептались, собравшись в кружок. Потом Мал сказал:

– Не ходи дальше, Свенельд. Впереди заброшенное селище. Ваши там жили, однако ушли все в один день. Окрестные жители говорят, что место это нехорошее, дурное место. Люди его стороной обходят. Так что... – Он помялся. – И темнеет уже. Не лучше ли к селению Сосны свернуть. Вот переночуем и с утречка...

– Пусть остальные здесь остаются! – неожиданно властно приказал Веремуд. Да с таким нажимом, что и Свенельд опешил. Но волю служителя (чего уж было скрывать – Мал и его люди и так уже все поняли) варяг все же выполнил. Жестом приказал дружинникам поотстать, а сам пошел следом за ринувшимся сквозь чащу волхвом. Правда, в последний миг и Косте велел идти с ними.

То, к чему они стремились, открылось: за буреломом и кустарником – довольно широкая, но давно заброшенная тропа. Листья устилали ее, кусты почти срослись, но еще не сплелись совсем, оставив узкую колею от некогда проторенной дороги. Продвигаясь по ней, они вышли к упомянутому

древлянским князем заброшенному селению. В центре его высилось изваяние Велеса – потемневшее, оплетенное сухим вьюнком, вокруг стояли остовы изб, покосившийся от небрежения сруб колодца с треснувшим ведром-кадушкой. И чем-то нехорошим, грустным веяло отовсюду.

Свенельд понимал: на месте покинутого селища нельзя никому селиться, пока все не порастет травой, которая вберет в себя злую судьбу этого места. Но все же... Здесь некогда жили поляне, прибывшие искать лучшей доли. Это видно по стилю построек, по торчавшим у бурливого ручья гнилым сваям от снесенных водяных мельниц. А ведь некогда здесь широко расселились пришлые хлеборобы, расчистили лес, выжгли и удобрили почву, посеяли жито, стали молоть муку... Но ушли по непонятной причине. Уж не от тех ли страхов, о которых уцелевшие беженцы в Киеве рассказывали? В столь глухом и мрачном месте в это верилось.

Свенельд глянул на Веремуда. У волхва был странный отрешенный вид, он стоял, прислушиваясь, как и прежде, к чему-то неразличимому. Тогда Свенельд стал не спеша обходить постройки. Вон немного в стороне покосившаяся банька, вон оставленный воз с торчащими вверх оглоблями. Колеса уже обросли побегами трав, пожухлых и засохших в нынешнюю пору. Тихо-то как, только дождь все шуршит! У самого леса Свенельд увидел довольно высокую насыпь, будто кто-то курган возвел. Могила? Но курганы обычно насыпают над теми, кого хоронят всех вместе. Неужто здесь сразу столько людей полегло? Хворь что ли какая на них напала? Может, потому и ушли?

Тут внимание варяга привлекло нечто, от чего он даже вздрогнул. Медленно подошел к бревенчатой стене одного из строений, стал разглядывать, словно не веря глазам. Душа похолодела: как будто кто-то клыками рвал мощные сосновые бревна, когтями царапал.

Свенельд потряс головой, снял шлем, сорвав сетку кольчужного капюшона и позволив струям дождя охладить голову. Ну и померещится же такое... Может быть, кто-то рубил здесь, ножом чиркал? Но нет, мысль оставалась та же – это были следы клыков и когтей. Возможно, медведь лютовал? Свенельд приложил ладонь туда, где ясно отпечатались следы клыков – они были больше ладони. Таких крупных медведей варягу видывать не доводилось. Тогда что же это за зверь?

Посадник поежился. Жутко стало, когда представил, что чувствовали те, кто прятались в избушке. Варяг хотел было указать на свое открытие волхву, но Веремуд уже вновь кинулся в чащу.

Свенельд переглянулся с растерянным Костой.

– А ну живо следом!

Мокрые голые ветви хлестали по лицу, корневища под ногами мешали бежать. Но уже через минуту чащоба поредела и они оказались на открытом пространстве. Похоже, некогда это была отнятая у леса пашня огнищан-хлебоборов, но теперь она заросла молодыми побегами, там и тут росли разлапистые елочки. И в сером сумраке, сквозь пелену моросившего мелкого дождя Свенельд увидел впереди Веремуда. Волхв вел себя странно: то делал несколько быстрых шагов, то вдруг останавливался, выставив руки ладонями вперед, словно стену какую-то невидимую отталкивал. Его молодое лицо было искажено от напряжения, будто состарившего его, щегольская косица на виске нелепо дергалась от резких движений головы.

Что стена и впрямь была – невидимая, плотная – ощутил и Свенельд, в первый миг словно онемев от удивления. Больше всего ему захотелось поскорее уйти отсюда, поспешить к своим. А тут еще и Коста неожиданно завывать начал, «чураться», искать помощи у предков[17 - «Чурались», поминали пращуров (говорили: «Чур меня»), чтобы получить от умерших предков защиту. Чур – то есть пращур, на помощь которого рассчитывают.]. Но Свенельда его страхи только подстегнули.

– Эй, иди там, где Веремуд прошел. Раз он смог – то и нам под силу.

И верно, там, где за волхвом полегли елочки и примялась пожухлая трава, помех продвижению не было. Вскоре догнали волхва. Он что-то бубнил, все так же выставив руки ладонями вперед, потом явственно оттолкнул нечто. И, переводя дыхание, сказал нагнавшим:

– Капище в тех зарослях, за полем. Ох и огородились же! Князь Мал нас бы седмицами[18 - Седмица – неделя.] водил по лесам, а капищ не показал. Ибо даже ему, видать, туда доступа нет.

– Тут мешает что-то, – как-то жалобно протянул Коста.

Но волхв, как ни странно, заулыбался.

– Конечно, мешает. Там святилище древлян или еще что-то такое... Есть в подлунном мире такие места, обладающие особой силой. Я-то ее, силу эту, давно почуял, да только не мог определить, откуда она исходит. И войти на такое место... В общем, кто там побывает, может многое постичь, многому научиться и направлять эту силу на что пожелает. Конечно, не всякому это дается, только тому, кто к чародейству некий хыст[19 - Хыст – талант, способности.] имеет. А вот на что силу эту применить...

Он умолк, когда Свенельд тронул его за локоть, указав вперед.

Там, за стволами дубов с облетевшей листвой, мелькнуло нечто светлое. А через миг из-за деревьев показался старик в длинном белом одеянии и в овчинной накидке. Он стоял, опираясь на посох и глядя на приближающихся.

– Волхв, – убежденно произнес Веремуд. – Служитель и хранитель этого места.

Волхв был высоким крепким стариком с белыми как лунь волосами ниже плеч и белой бородой, доходившей до середины груди. На поясе, там где расходились полы овчинной накидки, виднелись ряды подвешенных амулетов. Служитель сначала молча глядел на чужаков, а потом сделал жест рукой, будто повелевая уходить. И они неожиданно ощутили, как от его жеста, от взмаха руки, словно ветром горячим повеяло. Но Веремуд только отмахнулся, и прошло все.

– Слабый чародей, – засмеялся Веремуд, решительно направляясь в сторону кудесника. Свенельд с Костой последовали за ним. И идти вдруг стало легко, будто удерживавшая их до того сила исчезла в один миг.

– Нельзя вам сюда, – сильным голосом выкрикнул волхв. – Прочь пошли, псы шелудивые.

Свенельд вдруг сделал резкий скачок, ринулся вперед, обгоняя Веремуда, и не успел древлянский волхв взяться за свои амулеты, как Свенельд, на ходу выхватив меч, с силой рубанул им древлянского служителя. Старик рухнул как

подкошенный, только в глазах застыло изумление да на губах под светлыми усами запузырилась кровавая пена.

Веремуд, если и заметил убийство служителя, то никак не отреагировал. Его манило то, что скрывалось за деревьями.

– Здесь оставайтесь. Вам там худо может сделаться.

Сам же пошел вперед. Но странно пошел, вдруг стал спотыкаться, побледнел, даже задыхаться начал, однако не остановился.

Коста широко открытыми глазами глядел на поверженного волхва, потом перевел взгляд на вытиравшего о траву клинок Свенельда.

– Люди бают, что не будет добра тому, кто священнослужителя убьет. Другие волхвы о том прознают и заклятье нашлют. И тогда хвори и беды обрушатся на убившего. А еще говорят, нож кудесники-мстители заговорят, и он станет лететь, огибая деревья и другие препятствия, пока не вонзится в погубителя...

– Да умолкни ты, телепень! Плевать я хотел на все их чародейство волховское. Ха! Они меня псом сделать хотели? Что ж, злость во мне теперь и впрямь собачья. Причем той собаки, что с волками одичала, став зверем лютым.

Коста ничего не понимал. Сел в стороне на ствол поваленного дерева, бледный, взволнованный. Свенельд поглядел на него и сплюнул. Ишь, трепетный какой, зачем и в воины-то шел, сыночек мастерового? Лучше бы у батяни своего ремеслу учился да за городскими частоколами отсиживался. А еще лучше в капище учеником пошел, если столько рассказней о чародействе наслушался и верит в них свято.

Веремуда они ждали долго. Уже совсем смеркаться начало, где-то волк завыл, таякали вдали тонким лаем лисы. Дождь по-прежнему моросил, монотонно, дремотно. Свенельд и в самом деле задремал, а вот Косте не спалось. Мерещилось всякое. То словно убитый старый волхв смотрит на него, то тени какие-то во влажной мгле роятся. Пригляделся – и едва не вскрикнул. А ведь и впрямь стоят в зыбкой измороси силуэты людей: мужиков, баб с детьми на руках, отроков, старцев. И все глядят на него, Косту, но с тоской глядят. Одеты не по времени – в легких рубахах, многие босые. Но самое страшное, что раны на

них проступают. У одного грудь разодрана, у другого руки нет, а какая-то баба все головку ребенка поддерживала, словно та могла отвалиться.

Коста подскочил, заскулил тоненько. Когда на его плечо легла чья-то рука, он даже закричал пронзительно, разбудив начавшего подремывать варяга.

Но Косту напугал Веремуд – стоял в сумраке, странно подтянувшийся, с грозно сверкающими очами. Голос Веремуда прозвучал зычно, хотя говорил волхв, едва разлепляя губы:

– Так ты видишь их, парень? Это хорошо, знать, есть в тебе дар. Не бойся их. Это тени тех, кто погублен в селище, где мы давеча побывали. Они не отомщены, вот и маются. Но ничего. Силу с этого капища я почти разогнал, вот и им скоро послабление будет. Успокоятся.

Свенельд недоуменно покрутил головой.

– О ком это вы? Да что происходит, разрази вас гро...

Он не договорил – Веремуд быстро зажал ему ладонью рот.

– Не ругайся там, где сила. Можешь и впрямь зло накликать. Хотя... Думаю, в ближайшее время особого могущества это место иметь не будет.

И захохотал вдруг громко, весело, сказав нечто странное: мол, могущество это он в себя втянул.

Свенельд удивленно поглядел на волхва. Во-первых, молодцеватый Веремуд сейчас выглядел необычно – словно и молод, но одновременно и как-то стар. Да и творилось с ним непонятное. Будто переполняло его нечто: Веремуд ни минуты не стоял на месте, ходил, кружил, посмеивался, даже пальцами прищелкивал. Кажется, еще миг – и скакать начнет. То махал рукой во тьму, то бормотал что-то, то выкрикивал. Мол, идите, отпускаю. Свенельд недоумевал. Сдурел, что ли, волхв? С кем это он?

Зато Коста, похоже, понимал, тоже что-то залопотал, дескать, мир вам, покой, идите.

– Хорошо, что в тебе хыст есть, парень, – довольно сказал Веремуд, глядя на Косту. – В том, что я задумал, мне помощник понадобится. Вот и пойдем с тобой в леса.

– Куда, куда? – не понял Свенельд. – Ты что же это надумал, Веремуд? Я тут за главного, мне и сказать первому надо, что ты решил.

– Все скажу. Но сперва...

Веремуд подошел к мертвому древлянскому волхву и, присев над убитым, протянул над ним руки ладонями вниз. У Свенельда расширились глаза, когда он увидел голубоватый свет, полившийся от рук Веремуда на тело поверженного. Потом этот голубоватый свет окутал и мертвого волхва, и живого, сгустился, и там, за свечением, стало что-то происходить. Коста даже попятился, глядя на все. Свенельд же хотел подойти ближе, но непривычно для себя оробел, даже отвел глаза. Когда заметил, что свечение прошло, и повернулся, то только и смог что произнести:

– О великий Перун!..

Казалось бы, старый волхв-охранник по-прежнему лежал на земле, но он же стоял рядом, пытливо поглядывая на таращившихся на него воинов. И им понадобилось некое долгое мгновение, чтобы понять, что перед ними Веремуд, но принявший облик погибшего.

– Уразумели? – спросил наконец Веремуд. – Теперь ты, Свенельд, вернешься к Малу и отряду, поведаешь им что-нибудь о страхах, которых тут натерпелся. Придумай что-нибудь и о нас. Скажи, что погибли или еще лучше скажи, что мы вдруг ринулись в чашу, как полоумные. Ты, Свенельд, парень толковый, сможешь наплести. Мы же с Костой уйдем в леса, ибо теперь я знаю, где искать капища. Но сперва мы закопаем тело того, чей облик я принял, чтобы иметь доступ в другие святилища... или как еще можно назвать эти тайные места силы древлян.

– Я слышал, – начал охрипшим от волнения голосом Свенельд, переводя взгляд с мертвого двойника на живого, – что только очень сильные кудесники могут принимать облик другого человека.

– Тут сила немереная, – опять как-то загадочно ответил Веремуд. – А вот как ее обезвредить, чтобы древляне и дальше не таили зла?.. Но одно посоветую: откажись от поездок по капищам. Все, что надо проведать, ты уже узнал. Хватит, для того чтобы на Горе в Киеве доложить. А далее шастать по местам силы для тебя даже опасно. Поэтому успокой князя Мала. Так и скажи: мол, натерпелся страху и пропала охота древлянские капища посещать.

В его незнакомом голосе странным казался только киевский говор, и, похоже, это не нравилось Веремуду.

Свенельда же волновало другое.

– Что-то не все мне ясно. Ну, откажусь я от поездок, доложу в Киеве, что ты в волхва обратился да Косту с собой увел. Однако поверят ли мне? Ведь и на смех могут поднять.

– Я уже достаточно тебе сказал, посадник, – ответил Веремуд чужим голосом. – А поверят ли тебе? Тут главное, как подашь весть. Но ты не глуп, доложишь так, чтобы поверили. И учти, от того, как ослабить чародейскую силу древлянской земли, многое зависит. Боюсь, не зря так покорны последнее время древляне, не зря таятся, никого к себе не допуская. Готовятся они к чему-то. Вот это я и должен узнать во что бы то ни стало.

– Но мне ведь Ольга лично наказывала...

– Ты бы лучше молил богов, Свенельд, чтобы сам смог вернуться к красавице княгине. Ведь мы такое уже узнали, что, если древляне заподозрят, что ты тайны их коснулся, боюсь, не просто тебе будет вернуться в Киев. Поэтому сделай, как я советовал: о нас болтай чушь, сам прикинься робким, напуганным, сбитым с толку. Знаю, такое тебе не любо, но иного выхода нет.

Потом он стал давать указания: Свенельд, оставаясь на полюдьи, должен вести себя, как и прежде, – дань собирать, посещать погосты[20 - Погост – поселение, место сбора дани.], а заодно князя Мала задабривать, пировать с ним, бражничать, на ловы ездить. Пусть древлянин Мал ничего не подозревает, а будет уверен, что Свенельду, как и раньше, нравится у него гостить да утехам предаваться. А для этого посаднику прежде всего надо держать язык за зубами да другом древлянского племени себя выставлять.

Потом Веремуд с Костой остались хоронить волхва, а Свенельд отправился отыскивать Мала и дружинников. Шел торопливо, ибо уже совсем стемнело, а одному бродить по древлянским лесам особой радости не было.

Когда он вернулся к ожидавшим его людям, Мал с боярами так и подскочили с расспросами. Свенельд же предпочел отмалчиваться. Изображать страх ему было неприятно, поэтому и молчал, пряча глаза. Его дружинники при этом странно поглядывали на своего воеводу, обычно такого лихого и дерзкого, а сейчас даже не отреагировавшего на предложение пойти поискать куда-то сгинувших Косту и Веремуда. Но древлянского князька и его бояр подобное поведение посадника, видимо, успокоило. Мал обратился к дружинникам Свенельда, повелев, пока их воевода не в себе, отправляться в селище Сосны на ночевку. А там, глядишь, посадника исполох[21 - Исполох – болезнь от испуга, сводящий с ума ужас.] и отпустит.

«Нет у меня никакого исполоха!» – хотелось сказать Свенельду, которому было стыдно от полных жалости и участия взглядов дружинников. Однако, памятуя советы волхва, он продолжал отмалчиваться. А еще подумал: отчего это князь Мал так настойчиво стремится завести их в это селище, о котором то и дело толкует?

Глава 3

Свенельду казалось, что после случившегося он всю ночь будет ворочаться, размышляя о пережитом. Но едва он хлебнул крепкого местного меда и коснулся головой расстеленной на полатах в дымной натопленной избе медвежьей шкуры, как провалился в сон.

Спал варяг долго и сладко. А проснувшись, увидел, что в открытое волоковое оконце, куда голубоватой струйкой выходил дым, льется ясный дневной свет.

Его и еще нескольких кметей[22 - Кмети – опытные старшие воины в дружине.] разместили на постой в самой большой избе, у старосты. Здесь уже все встали, бабы хлопотали у очага, плакал ребенок в люльке, мычала за перегородкой корова. Мужчины сидели на большой скамье вдоль стены.

Свенельд, позевывая со сна, направился к ним. По пути огляделся. Помнится, он уже бывал тут. Тогда их хорошо принимали. Варяг даже усмехнулся своим воспоминаниям. Так отчего же древлянин Мал так хотел завести их в это селище? Из простого гостеприимства?

Сам Мал сидел у очага в расстегнутой на груди рубахе, пил из резного ковша-утицы да о чем-то толковал с местным старостой. Старосту этого Свенельд тоже вспомнил – здоровенный лысый мужик с длинной бородой. Лицом угрюм, но, заметив подходившего варяга, выдавил какое-то подобие улыбки, встал, поклонился.

– Здрав будь, гость киевский! Не желаешь ли киселя испить, пока наши хозяйки баньку истопят?

В баньке попариться и впрямь было не худо. К тому же банщиком к Свенельду вызвался сам князь Мал. Белый и рыхлый, он хлестал жилистого гостя дубовым веничком по бокам, щедро плескал воду из ковша на раскаленные камни, так что Свенельд жадно хватал ртом пропитанный душистыми лесными ароматами пар. А еще варяг с каким-то удивлением отметил, что саднивший все время бок больше не беспокоил его. Да и вообще рана затянулась, оставив лишь белесый рубец. Когда же это успело произойти? Не иначе как после посещения странного места – капища древлянского.

Мал, откидываясь в пару на горячие лавки, хитро подмигивал киевлянину:

– Клянусь благосклонностью Велеса, я несказанно рад, что исполох так скоро отпустил тебя, друже Свенельд. Ибо как вспомню, каким ты вчера из чащи в потемках пришел...

– Да не было у меня никакого исполоха, – отмахивался варяг.

– Но разве... Ведь напугало же тебя что-то?

– Меня? Что меня могло напугать, Мал? Вот моих людей – да. Как ломанули в чащу... Кричали, стонали, голосили. Хотел было и я следом кинуться, да что-то удержало. Одно скажу тебе, друже Мал, – места те и впрямь лихие. Так что лучше о том забыть, не вспоминать.

Князек склонил раскрасневшееся в пару лицо с прилипшими ко лбу завитками волос, пытливо поглядел маленькими хитрыми глазками.

– Когда же теперь велишь к капищам тебя вести?

– Когда? Гм. А ну их, друже Мал! Не воинское это дело, места священные посещать. Вот для волхвов...

– А ведь воины твои... Ну те, что в чаще сгинули, разве не из служителей?

– Ну и сказанул! Служители молятся у святых мест, покон[23 - Покон – обычай, старые заветы. От слова «испокон».] вековый соблюдают да заветам старины обучают. Но чтобы мудрые служители так вопили в страхе и по кустам, как каженники[24 - Каженники – безумцы, сумасшедшие.], скакали... Знаешь, я бы даже посмеялся, если бы не оробел тогда так. Но о страхе моем только тебе, друже Мал, поведаю. Смотри, моим о том ни гу-гу. Понял? А то еще на смех поднимут, уважение потеряют. А как они меня тогда слушать станут, когда велю им, чтобы о посещении капищ больше не вспоминали?

Свенельд словно делился наболевшим, но видел, что Мал ему не больно-то верит. А надо, чтобы поверил. Он не забыл, как Веремуд опасался, что и Свенельду из древлянского полюдья выбраться непросто будет. Хотя... Где наша не пропадала! Не по зубам он этим древлянам диким.

И Свенельд, как был нагишом, выскочил из баньки, плюхнулся на глазах у баб и ребятишек в заводь протекавшего через селище ручья.

Поселение Сосны было обычным родовым селищем древлян – все полуземлянки и избы располагались вокруг огромной кривой сосны в центре. Оград не было, но между строениями от крыльца к крыльцу были проложены мостки. И лишь у самого леса, обступавшего поселение, высились длинные шесты, на которые были надеты черепа домашних и диких животных, повернутые к лесу, чтобы отпугивать нечисть. Там же, почти под деревьями, кое-где виднелись стога сена, прикрытые корьем и прижатые длинными жердинами. Вообще-то селище сосновичей было довольно крупным родовым поселением, но видно было, что избы возведены без умения городских строителей: все срублено кривовато, хотя и прочно. По крайней мере, жилья тут достаточно, чтобы разместиться на

постой. Может, предупредительный Мал попросту хотел здесь устроиться с удобствами после лесных скитаний? Во всяком случае, о дурном в это светлое после дождливой ночи утро думать не хотелось. И Свенельд, оставив на время свои подозрения, беспечно насвистывал, облачаясь в рубаху и портки, да подтрунивал над размякшим после горячего пара Малом.

В избе старосты их сытно накормили. Изба была знатная: посредине два открытых очага, широкие дубовые половицы, на бревенчатых стенах – шкуры. Внутри просторно: поперечные балки подпирались резными столбами. Так что было где разместиться Свенельду с дружинниками. К тому же бабы-древлянки щедро угощали постояльцев: ставили на столы наваристое горячее из уток и тетеревов, сдобренное желтой морковью; подавали и разваренную оленину, мягкую и сочную; была рыба, отварная и копченая; на огромном блюде поднесли даже разваренные медвежьи лапы, столь жирные, что их тут же приходилось запивать хмельным медом и наливками диких ягод. Зато с хлебушком у древлян было туговато.

Свенельд завел было об этом речь со старостой: дескать, пока поляне-переселенцы росчища в лесах устраивали, небось, получше с житом было? Староста, назвавшийся Громодаром, отвечал уклончиво: мол, где эти хлеборобы – были и нет их. Причем лицо его, и без того хмурое, омрачилось еще больше. То ли от обиды на ушедших поселенцев, то ли оттого, что гость о ненужном допытывается, – не понять. Да только тут варяга Мал отвлек:

– Погодка-то, видишь, вновь прояснилась. Самое время для охотничьей потехи. А староста Громодар мне уже кое-что поведал. Помнишь, как в позапрошлом году между нами была речь о редкостном белом туре? Так вот, Громодар уверяет, что бык этот белый вновь в нашем краю появился. И староста знает, где этого тура подстеречь можно. Ну что, друже Свенельд, потешим душеньку славной охотой?

У Свенельда даже щеки вспыхнули румянцем. Он помнил тот разговор о белом туре, как и то, что поведал о редкостном звере в тереме на Горе Киевской. Тогда ему не поверили, сам Игорь не поверил – говорил, что не бывает белых туров. А княгиня Ольга так странно взглянула на Свенельда своими очами ясными и молвила: если будет оказия, ты уж постарайся, Свенельд, привези мне шкуру белого тура. Многие тогда посмеивались, а Свенельд и впрямь похвалился, что добудет для Ольги этот княжеский подарок.

– А ну-ка, ну-ка, расскажи мне еще о том белом туре, Мал.

Но рассказывать стал Громодар. Было в этом старосте нечто странное. Вроде мужик как мужик, крепкий еще, осанистый. Борода у него, как у старцев, до пупа и волосы, пегие от седины, остались лишь за ушами, а вот лицо у почтенного мужа гладкое, кожа, как у ребенка. А глаза опытные. И смотрят эти глаза на варяга без любопытства, оценивающе, почти с насмешкой.

– Ты, мил человек, должен на зверя этого поглядеть. Я, когда увидел его, решил – вовек не забуду. Ростом он, пожалуй, покрупнее иных рогатых туров будет, а цветом белый почти до голубизны, только по хребту полоса сероватая проступает. Рога же... В общем, не сойти мне с этого места, и впрямь княжеский зверь. Водит он с собой коров шесть, не меньше, а с ними и трех телят. Мы на этого зверя пробовали идти, да только силенок маловато. А уж хитер он, а уж напорист! Двоих наших охотников покалечил, а от облавы ушел да еще и стадо свое успел вывести.

Свенельд готов был выпытывать о звере бесконечно. Да и хорошо было после мути вчерашней ведовской отвлечься на ясное, живое дело. К тому же теперь становилось понятно, отчего Мал так желал завести Свенельда в это селище. Хотел расположить посадника, устроив облаву на редкого зверя, отвлечь его, чтобы о капищах не помышлял.

На лов собрались ближе к полудню. Свенельд, несколько его кметей, Мал со своими боярами, а также Громодар и десяток мужиков-охотников из селища. Мужики перед уходом поклонились старой сосне, попросили удачи на опасной охоте, ну а те из пришлых, кого на лов позвали, взяли с собой обереги-хранители. Ведь всем ведомо, что тур, если его затронуть, может и норов показать. Остававшиеся в селище глядели вслед охотникам с завистью: тем такое дело предстояло... Эх, вот где можно удаль, смекалку да азарт проявить, размять тело в противоборстве с лесным великаном!

Свенельд сперва был весел. Шел среди загонщиков, вспоминал былые облавы на туров, рассказывал, как некогда гонял коней по заднепровским степям, охотясь за тамошними рогатыми турами. Здесь же в лесу... Он осекся, поглядел на обступавшие со всех сторон деревья. Гнал прочь нехорошие мысли, но все-таки его не покидало ощущение, будто кто-то невидимый наблюдает за ним из чащи. А вот кто? Огляделся – нет, спокойно все. Охотники растянулись цепочкой, перекликались, посвистывали отбегающим псам.

Вскоре между стволами деревьев посветлело и они выехали на открытую поляну, где их ожидали еще трое охотников. Двое при их появлении поднялись с поваленного дерева, а третий продолжал держаться в стороне. Мал, подходя, указал на них концом кнутовища:

– Вот эти по наказу Громодара и выследили для нас белого тура, теперь выведут на его тропу.

Свенельд сдвинул на затылок мохнатую древлянскую шапку (он надел ее перед охотой, оставив свой высокий шлем в селении) и поглядел на ожидавших охотников. Один из них был неприметный немолодой древлянин, второй, к удивлению варяга, оказался калекой, у которого на культе левой ноги была деревяшка. Тот же, что стоял в стороне, был еще совсем юнцом, довольно высоким пареньком, в ушастой мохнатой шапке, надвинутой на самые глаза. Пока двое первых объясняли, где в последний раз видели белого тура, парнишка не сводил взгляда со Свенельда. Казалось бы, ничего странного – ну, дивится мальчишка на прибывших гостей, однако варягу под его пронзительным взглядом стало как-то неуютно. А ведь ничего особенного в юном охотнике не было – худой, длинноногий, узкие порты заправлены в обшитые мехом онучи, перевитые до колен ремнями, волчья куртка стянута на поясе кожаным кушаком, из-за которого со спины торчало острие сулицы. Варяг обратил внимание только на яркий алый шарф, видневшийся там, где слегка расходился меховой ворот. Во всем же остальном – обычный мальчишка-охотник. Да и лицо ничем не примечательное: худощавое, с чуть выпирающими скулами, рот полногубый, а вот глаза... темные, жгучие, и взгляд их обладал какой-то притягивающей силой.

Громодар, похоже, заметил, как Свенельд приглядывается к юному охотнику.

– Да ты, посадник, никак узнал Малфутку? – чему-то усмехаясь, спросил староста.

– А я должен его помнить?

– Его? Гм. Ну да ладно. Видать, позабыл.

И староста зашелся сухим, похожим на кашель смехом. Мал тоже заулыбался.

– Не смущай гостя, Громодар. Всему свое время. Однако скажу тебе, варяг, что даже я порой, когда нужно сыскать редкого зверя, пользуюсь помощью Малфутки. И уверяю, что лучшего следопыта не найти на древлянской земле от Искоростеня до многоводной Припяти.

При этих словах похвалы юный охотник не возгордился, а словно совсем стушевался и быстро направился в чащу. Остальные двинулись следом, но как ни спешили, кружа среди бурелома и болотистых низин, вскоре отстали от ловкого Малфутки. Только издали, из зарослей, порой доносился его посвист, похожий на перещелкивание птиц.

– Это братучадо знак подает, – пояснил колченогий охотник, неуклюже переваливаясь за старостой Громодаром. – Так что не собьемся. А провести Малфутка до места сможет по самому короткому пути.

Вскоре они вошли в густой ельник, где было решено спешиться. Здесь было тихо и сумрачно от нависавших еловых лап, воздух замер безо всякого движения. Все кругом молчало, окутанное мутной пеленой неведь откуда наплзшего тумана, в котором затухали все звуки.

Малфутка ждал их на небольшой поляне, облокотясь о ствол огромной, покрытой лишайниками ели. Он что-то сказал колченогому охотнику, и тот сделал знак остальным.

– Здесь самое место. Пусть гости ждут тут в засаде. Ну а мы пойдем на тропу тура и, как только он появится, погоним сюда.

Свенельд осмотрелся, потом стал проверять снаряжение, оглядел рогатину с длинным и широким острием на конце, поправил меч у бедра. Ему еще не доводилось пешим идти на тура. Ну да ничего, будет о чем порассказать в Киеве.

– Эй, парень, долго ли ждать зверя придется? – окликнул он Малфутку.

Тот только глянул и отошел, растворился за стволами деревьев. Свенельд так и не понял, отчего его слова вызвали усмешки на лицах бородатых древлян. Может, их позабавило его незнание подобной охоты?

Когда Громодар расставил по местам охотников и удалился с загонщиками, Свенельд обнаружил, что остался в компании Мала и его бояр. Они заняли позицию у большой ели и пустили по кругу мех с медовухой – сладкой и крепкой настолько, чтобы согреть в сыром лесу, но не дать захмелеть на охоте.

Мал, хитро щурясь, поглядывал на Свенельда.

– Может, теперь, пока ждем, все же поведаешь, что так напугало тебя у заброшенного селища, посадник?

– Отстань, – отмахнулся варяг. – Я о том вспоминать не хочу, так тебе какое дело? Лучше скажи, как тушу зверя делить будем?

– Это которого? Не уложили пока еще. Али ты зубы заговариваешь, не желая отвечать?

Свенельд видел, как внимательно глядят на него Мал и бояре, но только вновь пригубил из меха. Заговорил о другом. Мол, он еще не забыл, как в прошлом полюдые его принимал Громодар, поил, кормил, девок красивых присылал для утех. Свенельд даже запомнил одну, чернявенькую такую, на ней еще красный яркий плат был. Девка сперва стыдливой казалась, но потом...

Мал стал ржать, как жеребец, даже сойки со стрекотанием сорвались с ближайшего дерева.

– Да умолкни ты! – рассердился на непонятное веселье князя Свенельд. – Шумишь, как скоморох на базаре. Так мы и зверя спугнем.

А Мал вдруг погрузился, стал откручивать и закручивать ремень у основания короткой сулицы.

– Нравишься ты мне, друже Свенельд, – сказал он наконец с какой-то горечью в голосе. – И что бы ни случилось в дальнейшем, знай: по сердцу ты мне, Свенельд. Не враг я тебе.

– Да ты только женихаться не начинай, – отшутился варяг, не придавая значения грусти в голосе князя.

В это время один из древлянских бояр шикнул на них.

– Слышите? Зверя подняли, гонят уже. Так что не время теперь для бесед душевных – тур в любой момент может появиться.

Охотники быстро скользнули за деревья, стали устраиваться, поближе раскладывая сулицы и рогатины с тяжелыми наконечниками, проверять стрелы.

Ждали довольно долго, вслушиваясь в дальний лай псов и глухие звуки била, в отдаленные крики. Потом насторожились – треск бурелома раздался неожиданно близко, а там послышался и тяжелый топот.

Свенельд напрягся, прислушиваясь. Понял, что не охотники подняли зверя, сам уходил. Опытный. Варяг вдруг пожалел, что рядом нет никого из его дружинников. Те поддержали бы, случись что, а эти... Краем глаза он заметил, что его спутники наблюдают за ним, словно охотничья потеха не больно их занимает.

Следующее произошло мгновенно. Ветви елей колыхнулись, и между ними появилась светлая рогатая голова. Громадная. Свенельд даже рот раскрыл – такого и он не ожидал. Это был настоящий гора-зверь. И абсолютно белый. Красавец!

Белый тур замер в клубившемся блеклыми завитками по поляне легком тумане, мотнул огромной башкой. Он был без обещанного стада телок, одинокий и величественный. Его гигантские рога, шершавые, как кора дерева, были широко разведены в разные стороны, но на концах заворачивались вперед. Тур принюхался, потом повернул лобастую голову и зыркнул светлыми глазами. Свенельду показалось, что в их дымчатой глубине светятся угольно-красные зрачки. А еще через миг понял, что зверь смотрит в его сторону. Потом хвост быка дернулся, и он переступил с ноги на ногу.

Какой-то шорох в стороне на секунду отвлек внимание Свенельда. Быстро глянув, варяг заметил, как Мал и его бояре, побросав оружие, кинулись прочь. Эх, охотники!.. Но больше медлить было некогда. Белый тур уже рыл сырую землю огромным раздвоенным копытом и, опустив рогатую голову, начинал наступление.

Ругнувшись, Свенельд успел стремительно отскочить в сторону и с силой метнуть рогатину. Есть!.. Широкое лезвие глубоко зашло под лопатку зверя, торчавшее древко качнулось. Тур крутанулся, однако при этом не издал ни звука, только мотнул головой, словно выискивая, откуда взялась этакая напасть. Через мгновение он опять посмотрел на варяга. И у Свенельда вдруг все внутри похолодело. Что, однако, не помешало ему с поразительной быстротой отпрыгнуть, когда бык вновь ринулся на него. Но это варяга уже спасло его тренированное тело воина, отреагировавшее до того, как ум подсказал – беги! Ибо с этим молчаливым яростным туром что-то было не так.

Бежать Свенельд не успевал. При развороте белый тур зацепил его одним из своих рогов – хоть и вскользь, но этого хватило, чтобы Свенельд покатился по земле. Потерял шапку, но быстро подскочил, отплевывая грязь и стирая налипшую на лицо хвою. Каким-то чудом он изловчился, выхватил меч и, уклоняясь, резанул по боку разворачивавшееся белое чудище. А тур, врывшись в землю всеми четырьмя копытами, остановился и уже вновь разворачивался. Эта огромная махина двигалась с невероятным проворством – при том, что из-под его лопатки торчало толстое древко рогатины, а другой бок был окрашен кровью от пореза мечом!

Только тут Свенельд заметил, что выронил меч. Он валялся не очень далеко, но поднять его Свенельд уже не успевал. Варяг только и смог, что отскочить за ель, которая так и загудела, когда в нее врезался турий лоб. Сверху посыпались шишки и хвоя. Но бык все же замер, даже затряс головой. Этого было достаточно, чтобы варягу удалось каким-то чудом подхватить оставленный кем-то из бояр дротик и прямо из-за ствола всадить в грудь животного новое жало, надавить с усилием, чувствуя, как туго поддается звериная плоть. Удар должен был если и не свалить быка, то здорово ранить. Однако зверь устоял.

Устоял, но отступил. Он вскинул рогатую голову и открыл рот, словно в реве или в крике боли... Однако не издал ни единого звука. И это выглядело так жутко, что Свенельд в первый миг оцепенел. Смотрел несколько бесконечно долгих мгновений, как раненое животное с топотом и хрустом крушит мелкие елочки, вскидывая голову, словно от дикой боли. Потом тур замер и медленно повернул голову. Варяг и это белое чудовище смотрели один на другого. Свенельд окаменев, бык будто в раздумье. И опять варяг видел, как разгораются алым пламенем глаза у белого зверя.

Тур вновь поворачивался, собравшись с духом, потом опустил голову и пошел в наступление. И когда бык оказался совсем рядом, Свенельд вдруг отчаянно закричал и, рванувшись, совершил невероятный прыжок. Он просто взмыл над низко опущенной турьей головой, почти ударив по ней пяткой, – миг, и он схватился за его рога, развернулся, и оказался сидящим на могучей изогнутой спине тура.

Бык замер. Этого короткого мгновения варягу хватило, чтобы сжать чудовище за рога у самого основания, возле головы. Ногами же он обвил его шею, пришпоривая, как взбесившегося тарпана[25 - Тарпан – дикая степная лошадь.], которых некогда укрощал в степях над Днепром. И тур внезапно совершил стремительный скачок, почти встал на дыбы, словно он и не был могучим лесным быком, а в самом деле превратился в легкого скакуна.

У Свенельда клацнули зубы, когда эта туша опустилась на все четыре ноги, погрузившись копытами в мокрую грязь, смешанную с хвоей. Варяг продолжал сдавливать скрещенными ногами гортань тура, стараясь придушить страшного зверя, пока бык мотал головой, пытаясь освободиться, а потом неожиданно рванул с места, с невероятной скоростью устремившись в чащу.

Свенельд смог уклониться от нависавшей хвойной лапы, потом же он просто не замечал их, распластавшись на изогнутой белой спине тура, обвив его ногами и вцепившись руками в рога. Вокруг него все гудело и рвалось, грохот несущихся копыт оглушал, тело болело, хлопья звериной пены летели назад ему в лицо, забивая глаза и ноздри. Казалось, это будет длиться бесконечно. Мелькали слившиеся в единую массу стволы деревьев, Свенельд то взлетал вверх на спине тура, когда тот с удивительной ловкостью перемахивал через валежник, то словно проваливался в глубину, когда зверь опускался на свои мощные, но такие проворные ноги. Странно проворные... Любой нормальный бык уже должен был устать от подобной скачки, но под Свенельдом был необычный тур. У воина уже зубы не держались в челюстях от тряски, хватка его ног ослабевала, руки начинали скользить по шершавым рогам. Он понимал, что больше не выдержит, что сейчас рухнет, и тогда белое чудовище закончит начатое...

Все изменилось в одно мгновение. Свенельд не сразу и понял, что огромный тур вдруг стал быстро уменьшаться в размерах. Миг – и варяг уже чиркнул ногами по земле, а потом стремительно полетел через голову. Не разбился он лишь потому, что упал на заболоченную землю, но все же в первый момент задохнулся от удара и боли. Его перевернуло, покатило. И когда, уже почти ничего не

соображая, он приподнял голову, то успел заметить, как вместо огромной туши рогатого великана под корягу с писком юркнула белая мышь.

Все. Он больше ничего не понимал и, упав лицом на влажный мох болота, лишился сознания.

Очнулся Свенельд от холода. Сырая влага пропитала его кольчугу и подкольчужницу, грязь налипла на лицо. Варяг приподнялся, но не сразу сообразил, где он. Стал отползать из сырой ложбинки на сухой островок, сел, ощупал себя. Кроме двух-трех незначительных царапин, он ничего не обнаружил, а вот то, что он оружие потерял – было худо. Хотя не все потеряно – за поясом у него оставался охотничий тесак, за голенищем сапога был спрятан нож. Свенельд невольно перевел дыхание, когда нащупал их рукояти. Без доброго булата было бы совсем скверно.

Свенельд стал озираться, пытаясь определить, куда занесло его рогатое чудище, и ему совсем не понравилось то, что он увидел.

Болота, огромные бесконечные болота. Уже смеркалось, и кругом, куда ни кинь взгляд, – только плоские кочки, заросшие сухим камышом и голым кустарником, а между ними – черная жижа болот. Пахло сыростью и болотным торфом. Слабо стелилась туманная дымка, за которой выступали остовы деревьев – сухие, мертвые и белесые, как кость.

И все же Свенельд решил двигаться. Нащупывал в полутьме ногой твердую почву и делал осторожный шаг. Уйти отсюда было необходимо. Варяг нутром чуял, каким опасным является это место. В туманной зыби то и дело чудились какие-то подозрительные шорохи и скрипы. Свенельду невольно вспомнились рассказы о жутком и колдовском: о бродячих деревьях, норовящих разорвать на куски незадачливого путника, об утопленниках, наблюдающих за живыми и ждущих момента, чтобы утащить их в трясины, о других болотных страхах... Один раз ему даже показалось, что коряга, мимо которой он прошел, со скрипом потянулась за ним, в другой раз во мраке померещилось, что из заводи на него кто-то пристально смотрит, даже вода колыхнулась словно со вздохом, но он переступил и пошел дальше. Старался внушить себе, что все это ему только кажется, но после всего происшедшего за последние дни он готов был поверить во что угодно. Однако поверить – значило упасть духом. И варяг, сжимая

костяную рукоять ножа, стал тихо напевать, чтобы приободрить себя:

Ой, уеду я в дали дальние,

За степную ширь, за ясен рассвет...

Но где теперь те степи привольные, куда он ходил в молодецкий дозор? Как хотелось ему оказаться в чистом поле, да на вольном ветру! Угораздило же его принять пост посадника в диком древлянском краю, где невесть что творится. А ведь, поди ж, гордился до сих пор своим высоким званием посадника.

Вновь что-то скрипнуло и булькнуло, один раз Свенельд даже различил человеческий голос: словно издали позвали его по имени. И тут же зашептало, зазвало кругом:

– Свенельд... Свенельд...

Старухи рассказывали, что нет ничего хуже, как обернуться на такой вот зов. Вмиг нечисть болотная накинется, утащит...

Тут Свенельд едва не вскрикнул. Показалось, что кто-то из воды хочет схватить его за голенище сапога. Он крутанулся, отскочил на сухую кочку – а ведь и впрямь ушла под воду бледная когтистая лапа.

– Тьфу ты нечисть!..

Он испытывал жгучее желание бежать отсюда неведомо куда. Еле сдержал себя. Поддаться страху в лихом месте – непременно накликать на себя беду. Пока человек не боится – он еще в силе. И варяг вновь стал напевать:

Ой, уеду я в дали дальние...

Противно было слышать свой дрожащий голос. Свенельд набрал побольше воздуха в легкие, хотел заорать во всю мощь, но не успел. Зато теперь отчетливо услышал голос вдалеке:

– Свенельд!.. Посадник Свенельд! Отзовись!

На этот раз варяг решил, что его на самом деле кто-то ищет.

– Сюда! Здесь я!

А через миг, даже не веря в удачу, различил оранжевый светлый огонек вдали за туманом.

– Где? Где ты?

Голос был звонкий, молодой и такой ясный, что варяг сразу поверил в него.

– Здесь я!

Огонек вдруг исчез, но Свенельд понял почему. Впереди возникли деревья, целая купа. Неужто кончились болота?

Варяг ускорил шаг и вот уже почувствовал под ногой твердую почву. Ступил под сень деревьев, врезался в кустарник. И тут же, налетев на корягу, рухнул на землю. Пока переводил дыхание, такой страх накатил, что даже застонал. Но где же тот, кто окликал, звал его? Свенельд прислушался, приподнявшись на локте, и тут уловил некий странный звук – какой-то быстрый громкий треск. Будь он среди степных курганов, решил бы, что это змея, гадюка ядовитая. Но здесь...

Он ощутил, как повеяло холодом и за стоявшим неподалеку большим деревом произошло какое-то движение. В темноте вроде и не разглядеть, но варяг видел: выглянуло из-за ствола длинное узкое лицо, выглянуло и вновь спряталось, затем снова появилось, но уже с другой стороны.

Тут сквозь мглистую туманную дымку засиял свет. Свенельд не сразу понял, что это луна светила сквозь тучи. И осветила такое... Да, теперь он видел это ясно. Из-за дерева показалось странное существо – голубоватая голова с необычно светящимися глазами, со всклокоченным колтуном волос. Существо опиралось на сильные голые руки, само было голым и... Мать честная! Да это же баба! Сиськи вон какие огромные, живот с пупком... переходящий в чешуйчатое туловище... Хвост!

Существо глядело на варяга, раскачиваясь с руки на руку, то откидывая голову назад, то наклоняясь вперед. Потом вдруг резко выползло. Так и есть баба, да только страшная, от пояса длиннющий хвост уходил в заросли, завивался кольцами. Хвост вдруг взвился змеей, взмахнул, и чудище, широко и беззвучно открыв рот, стремительно кинулось на варяга. И тут же холодные сильные руки скребанули по груди, полезли в лицо. Свенельд перехватил их, но они выскальзывали – мокрые, липкие. Из открытой пасти несло болотным зловонием.

Дико закричав, варяг что есть силы лягнул наседающую нелюдь, въехал кулаком по морде – так, что кудлатая голова откинулась, лапы на миг разжали хватку. Этого мига хватило, чтобы Свенельд успел выхватить из-за пояса тесак, сделал резкий режущий удар. И попал. Баба с хвостом запищала пронзительно и тонко, забила длиннющим хвостом, круша кустарник.

Свенельд же словно и страх потерял, кинулся на нелюдь, стал резать, вскидывая руку с ножом, другой же рукой сдавил липкое горло, навалился, опрокидывая. Холодное тело под ним билось и сипело, порой даже вскрикивало тоненько, скребло по груди варяга когтистыми лапами, не соображая, видимо, что киевская броня прочна и защищает тело. А Свенельд все бил ножом в странную плоть, видя под собой искаженное жуткое лицо, открытую пасть чудища, оскаленные острые зубы. Хвост чудища стал хлестать его по спине, плечам, но главным было не дать этой синей бабе-змее вырваться, ибо Свенельд уже чувствовал, как она слабеет, как испарывает ее тело железо ножа, все глубже и глубже погружаясь в чавкающую плоть.

Варяг перевел дыхание не сразу – лишь когда удары хвоста прекратились, когда ослабли цепляющиеся руки, откинулась голова с открытой пастью. Но и тогда он еще не выпускал чудовище, зло ругался сквозь сцепленные зубы.

– Что, нелюдь, не по нраву тебе каленое железо? Уступаешь силе молодецкой?

Наконец варяг бессильно осел, глядя на поверженного противника... или противницу. И пока лился свет луны, он видел, что с чудищем что-то творится. Оно темнело на глазах, странно менялось. Но тут туча снова закрыла луну, и все погрузилось во мрак.

Только теперь, сквозь собственное бурное дыхание Свенельд опять услышал, что его по-прежнему кто-то зовет. Голос был все тот же, молодой, звонкий. И он

решил откликнуться.

– Здесь я! Кто еще на меня?!

Совсем близко раздался какой-то звук, похожий на плеск. Там, за голыми деревьями, вновь мелькнул свет, трепещущий, яркий, как у обычного факела. И теперь Свенельд не мог ошибиться – он явно различал чьи-то торопливые шаги. Поразмыслив немного и решив, что хуже не будет, он пошел на свет.

Факел отбрасывал вокруг неровные блики, и варяг с удивлением узнал в подходившем молодого охотника Малфутку. Даже различил отсвет огня на алом шарфе отрока. Но все же спросил:

– Человек ты или нежить болотная?

– Да я это, Малфутка. Виделись уже сегодня. Неужто не признал?

Лишь когда юноша подошел совсем близко, Свенельд удостоверился, что он не дух, а живой человек. В руке отрока дымил и трещал сосновый факел, с мокрой опушки куртки капала вода, чуть высвечивало острие сулицы за плечом, из-за другого виднелся лук с тетивой. Мохнатая шапка затеняла лицо, но темные глаза и пухлый рот были все те же, узнаваемые.

– Как же ты, Малфутка, отыскал меня тут?

– Мне было ведомо, куда тебя зверь занесет. А это болото не даром Нечистым зовут. Я-то тут хаживал, ничего странного не приметил, но ведь дурная слава о нем не зря идет, говорят, нечисти тут видимо-невидимо.

Свенельд даже удивился:

– Говоришь, ничего странного не приметил? А ну, пойдем-ка со мной.

Он увлек парнишку в кусты, велел посветить факелом и... замер от изумления. Не мог он ошибиться, это было то самое место, где он с гадиной болотной сражался: вот кусты, примятые во время борьбы, вот ствол, из-за которого нечисть появилась, но самого поверженного тела не было, только на том месте,

где оно осталось лежать – куча сырой земли, будто кроты нарыли. Свенельд даже пнул ее сапогом, словно не веря самому себе. Но только комья земли разлетелись. А Малфутка смотрел вопросительно, спрашивал, мол, что?

Глядя на гладкое личико отрока, Свенельд не нашелся, что и сказать. Как поведать о нападении, когда и следов чудища не осталось? И варяг промолчал. Парнишка решил ему помочь, поэтому не следует пугать его понапрасну.

– Так что будем делать, друг Малфутка? – спросил Свенельд, стараясь, чтобы голос его звучал как можно ровнее.

– За Нечистое Болото тебя проведу да схороню в надежном месте. А как заклятия потеряют силу, выведу к людям. Ведь тому, кто силе чародейства сумел противостоять, второй наговор уже не будет страшен. Только...

Паренек замялся, кусая губы, и наконец изрек:

– Только ты молчи обо всем, что с тобой странного произошло. Тогда волхвы-чародеи помилуют тебя.

– О чем я молчать должен?

– О туре. Скажешь, мол, сбросил тебя зверь, а выбраться из болота ты сам сумел.

– Что-то мне не совсем ясно.

– А что тут неясного? Сгубить тебя волхвы решили. Посчитали они, что знаешь ты о них нечто важное да разнесешь весть. Пока твои люди гоняли по лесам настоящего тура, и наслали на тебя кудесники оборотня. Если зверь тебя сразу не сразит, должен он увлечь тебя, посадник, в эти гиблые места. Мало кто отсюда стежку-дорожку назад находит. Но если ты возвратишься да будешь молчать о том, что с тобой приключилось, – жить тебе. Ведь волхвам не надобно, чтобы другого посадника прислали. Сам Мал за тебя просил и дал понять, что не будет гневаться, если кто-то тебе поможет. Вот я и решил... Ну а теперь идем. Хотя я и знаю эти места, да только чем скорее уйдем, тем лучше. Скажу одно, посадник: болото это обычным становится, только когда ночь к концу подходит.

Паренек, поправив на голове шапку с завернутыми ушами, поднял выше факел и решительно зашагал в сторону болот. Свенельд лишь миг помедлил. Бескрайние туманные болота не внушали ему доверия. Правда, как оказалось, и в зарослях таилась опасность. Но что-то надо было делать, а Малфутка вел себя так уверенно, что варяг решил довериться провожатому.

Глава 4

Ночь сгустилась до черноты дегтя, луну затянуло пеленой туч, и все сильнее стал сбиваться туман. Особого холода не чувствовалось, зато вокруг, как и раньше, ощущалось какое-то движение – слышались вздохи, легкие всплески воды, даже приглушенное хихиканье. Однако Малфутка спокойно шел вперед, словно и не замечая ничего. Юный древлянин отдал свой факел спутнику, а сам пробирался во мраке, так уверенно обходя заводи и безошибочно выводя на сухие проходы, будто видел в темноте не хуже, чем днем. Варягу от этого стало не по себе, но, в любом случае, на этого мальчика у него была вся надежда.

Порой Свенельду опять мерещилось всякое: под корягами и среди сухих камышей чудились вспыхивавшие парные зеленые огоньки – словно путников провожали внимательные взгляды чьих-то глаз. Один раз, не удержавшись, он окликнул Малфутку:

– Ты заметил?

– Что?

Свенельд промолчал.

Но вскоре внимание варяга привлекло совсем другое. Сквозь мглу он заметил, как в заводи будто вода бурлит, отсвечивая особенным желтоватым светом. А в стороне, среди камышей, иной отсвет – голубым блещет. И так ярко, что даже сияние вокруг идет. Свенельд сперва глазам своим не поверил. Но когда подобные отсветы во мраке повторились – то слева, то справа, – застыл пораженно.

– Великие боги! Да это же... Эй, Малфутка, ты видишь?

Но паренька то, на что указывал варяг, не удивило.

– Таких мест много в Нечистом Болоте. Люди говорят, это вода особая – живая и мертвая. Источники ее бьют из земли, да только болотная жижа все поглощает.

– Да ты понимаешь, что это такое – живая и мертвая вода! – почти вскричал варяг. И тут же осекся. Ибо рядом что-то вздохнуло громко из самых глубин и на шелест сошло. Однако все еще не пришедший в себя после нежданного открытия варяг не очень испугался. Заговорил быстро, переходя на шепот: – Люди за этой водой со всех земель, даже из самого Царьграда, в наши края едут, жизнь продлить хотят, молодость вернуть. Золотом за это платят, не торгуясь. А сколько трудов надо кудесникам приложить, чтобы найти ее! Тут же... Куда ни глянь – она. Да это же... это же...

– Угомонись, посадник, – хладнокровно остановил волновавшегося Свенельда Малфутка. – Что с того, что вода эта чудесная? Ее и в древлянской чаще можно отыскать, да только проку мало. Кто заговор над ней не знает, не сможет и силу ее применить. А заговоры только волхвам известны. Без заговора же – вода она и есть вода. Хоть и светится.

– Ну, это как сказать.

И Свенельд торопливо шагнул туда, где маячил голубоватый свет. Но тут же почти по пояс провалился в бездонную глубь болота. Спасибо, Малфутка подскочил, вытянул. Варяг не сказал ни слова, ибо опять пригрезилось ему, что из-за сухих камышей выглянуло нечто странное, что он не сумел разглядеть: факел свой он уронил в воду. Спасибо, что сам выбрался. А то, что из зарослей тянулось, вновь растворилось, исчезло в камыше так тихо, что даже сухие стебли не зашуршали. Однако и свечение пропало, как будто и не было его.

– Видишь, напугал ты священную воду, – спокойно пояснил Малфутка, так и не заметивший того, что таилось в зарослях. – Говорят же тебе, варяг, что без волховства вода эта молчит и пользы от нее не более чем от чистой родниковой воды. Али у вас в Киеве о том не ведают? Но ты к воде этой и не суйся. Уйдет она от непосвященного.

Дальше они двигались в полном мраке. Свенельд теперь не шумел, а про себя все думал о том, что проведаль нежданно. Так вот в чем основное богатство древлян! Да благодаря этой дивной воде можно так подняться!.. Над всеми народами стать. Нарочитые люди[26 - Нарочитые – почитаемые, богатые.] за нее что хочешь отдадут. А эти дикие древляне как жили убогими дикарями, так и живут. И, если верить Малфутке, сами не знают, каким богатством земля их одарила. Понятно, отчего они чужаков в свои края не пускают.

Он вспомнил еще о силе особых мест, упомянутых волхвом Веремудом. Интересно, узнал ли мудрый советник Олега Вещего о чародейских источниках? Эх, такое богатство и пропадает впустую!.. Там, на Руси, волхвы годами по самым гиблым местам выискивают чародейскую влагу, дающую молодость. И добывают ее лишь капли. Здесь же... Малфутка сказывал, что и в чаще ее разыскать можно. Но как? Вряд ли паренек согласится стать проводником Свенельда, вряд ли укажет место. А найти такую воду да объявить о том в Киеве...

И всплыло в памяти варяга прекрасное лицо женщины, которой восторгался, перед которой преклонялся... даже робел. Сколько же лет княгине? Он еще не родился, когда она женой Игоря стала, а все цветет. Но ведь ни для кого не тайна, что долгие годы и она, и князь Игорь воду живую пользуют, – ее волхвы с превеликим старанием для них добывают. И чем же одарит Ольга Киевская своего верного Свенельда, когда он сообщит, как богаты живой и мертвой водой здешние края? Такая весть придется ей больше по душе, чем принесенная в дар шкура белого тура.

Воспоминание о белом оборотне заставило Свенельда очнуться от своих мечтаний. В Киев со своим открытием еще нужно попасть, надо сначала выбраться из этого Нечистого Болота. И он, уже не выказывая восторгов, спокойно миновал очередной желтовато мерцающий источник и стал нагонять ушедшего вперед юного древлянина.

– Далеко нам еще идти, Малфутка?

– Не больно и далеко. Тут вскоре будет островок сухой. Если ты, посадник, пожелаешь, мы сделаем там остановку, передохнем.

Откровенно говоря, Свенельд нуждался в этом. Не хотел сознаваться, но ушибы и порезы уже начинали сказываться, да и силы словно исчезали – болотная муть их втягивала, что ли? К тому же трясти его начинало в мокрой одежде.

Малфутка пояснял: они уже прошли в самую глушь Нечистого Болота. Люди сюда обычно не заходят, поэтому посадник может не опасаться, что волхвы его тут разыщут. Ага, оказывается, древлянские кудесники и на такое решились бы. Видно, и впрямь разлютились не на шутку. А если еще узнают, что он про живую и мертвую воду проведаль... И Свенельд как можно приветливее попросил Малфутку молчать о том, как поразило его свечение вод.

– Я тебе не враг, – негромко ответил паренек, не оборачиваясь.

«Но отчего это – не враг? – подумал Свенельд. – Вроде ничего доброго я тебе, парень, еще не сделал, чтобы ты во мне, чужаке, собирающем дань с твоего племени, видел друга. Хотя... Я ведь в их селище гостем бывал, хлеб-соль ел. Да и Мал за меня просил. Друже Мал. Понятно, ему выгодно, чтобы я и впредь посадником оставался, дары от него получал да помалкивал о том, что он собственные дела с ляхами и волянянами[27 - Ляхи – поляки; воляняне – славянское племя, жившее на юго-западе от древлян.] без спросу князя Киевского ведет. Если же вместо меня из Киева пришлют другого, то еще не ясно, насколько новый посадник сговорчивым окажется».

От размышлений Свенельда отвлек голос Малфутки:

– Вон и островок, – указывал тот рукой куда-то во тьму. – Видишь, посадник, те сосны? А сосна – покровительница моего рода. Она схоронит надежно и меня, почитающего ее, и тебя, раз ты со мной.

Никакого островка, тем более сосен, Свенельд не видел еще долго. Наконец и он различил сквозь туманную мглу высокие ветвистые силуэты деревьев на возвышенности. Еще отметил, что свечения в округе больше не наблюдалось. Да и тихо стало совсем, словно нечистые обитатели болота спрятались от досады, что люди нашли себе прибежище.

Взобравшись по высокому откосу островка, Свенельд устало сел на сухую кочку. Малфутка стал подбирать на земле щедро рассыпанные хвойные ветки и шишки. Свенельд опять удивился – как паренек видит в таком-то мраке? Наконец

мальчишка сумел развести огонь, светлые язычки пламени побежали по дереву, и Малфутка велел варягу подсесть поближе к огню, просушить одежду. Это оказалось так приятно, что варяг даже улыбнулся Малфутке. А еще подумал: чем бы таким расположить к себе юного древлянина, чтобы тот указал иные места, откуда бьют ценные источники?

– Эй, парень, как отблагодарить тебя за службу верную? Хочешь, когда возвратимся, я тебе гривну золоченую подарю, как боярину? Будешь первым женихом в своем селище.

Сидевший у костра Малфутка вдруг как-то грустно вздохнул, обхватив себя руками за плечи, и пару раз шмыгнул носом, словно боялся расплакаться. Потом все же спросил, не желает ли посадник подкрепиться, и, порывшись за поясом, достал кус вяленого мяса в тряпице, разрезал ножом пополам и протянул Свенельду.

– Тебя мне просто боги послали, парень, – жуя мясо, беспечно молвил варяг.

Сейчас, когда от горящего костра разлился ясный согревающий свет, Свенельд чувствовал себя совсем неплохо. С некоторым недоумением он наблюдал, как паренек делает странное: обводит наконечником сулицы круг вокруг места их стоянки, шепчет какие-то заговоры.

Малфутка пояснил:

– Тут нельзя без предосторожностей. А то мало ли кто из Нечистого Болота может возникнуть.

– Так ты ведь божился, что ничего нечистого тут не видел?

– Ну, побожиться я-то не успел, хотя и повторю: охотиться сюда я не раз хаживал, особенно по весне, когда птицы болотной тут видимо-невидимо, однако старики не зря говорят, что нечисти здесь полно. Нечистое Болото, одним словом.

Он говорил о странном, но так спокойно, что и Свенельд ощутил заметное облегчение. Малфутка опустил на корточки по другую сторону костра и через

огонь внимательно глядел на варяга, будто только теперь удосужился рассмотреть его как следует. Да и варяг разглядывал своего спутника. Отметил, что мальчишка достаточно рослый для своего возраста – сколько ему, четырнадцать, пятнадцать? – но выглядит совсем не как парень, достигший поры возмужания: челюсть у него широкая, подбородок волевой, но само лицо гладенькое, губы яркие, как у какой-то девчонки, нос костистый и словно чуть перебит у переносицы. Глаза вот только странные – взрослые, настороженные. Голос еще не сломался, хотя и был довольно низкий, даже с некоторой хрипотцой. Свенельд спросил Малфутку, сколько тому весен? Не очень-то надеялся, что парень силен в счете, но юный охотник ответил без запинки – семнадцать. Счету он был обучен, да только Свенельду не верилось, что мальчишка не солгал, прибавив себе годков. Уж больно юным для семнадцатилетнего он выглядел. Хотя Мал говорил, что Малфутка лучший следопыт в крае. Когда это он успел опыта набраться?

– Я что-то не встречал тебя, парень, когда прежде бывал в селище Сосны, – заметил Свенельд.

И опять Малфутка, горько вздохнув, отвел взгляд. После этого они долго молчали. Варяг думал о том, что его ждет, когда он выберется отсюда и сообщит о своем открытии, а Малфутка грустно смотрел на язычки пламени, иногда подкладывал в огонь шишки, сучья еловые. В какой-то момент варяг обратил внимание на то, какая маленькая у юного охотника рука – запястье тоненькое, пальцы длинные, изящные. По руке из-под мехового рукава скользнул браслет, ярко сверкнув зеленоватым блеском. Наручень у паренька был из зеленого стекла. В Киеве, где такие украшения только девки да бабы носят, мальчишку подняли бы на смех, а с древлян что взять – дремучие люди. Да и шарф на шее у Малфутки слишком яркий, девке бы такой пошел, а парню, да еще охотнику, которому в чаще таиться положено, это никак не к лицу. Глядя на этот яркий шарф, особенно заметный сейчас, когда Малфутка расстегнул верхние петлицы меховой куртки, Свенельд силился что-то вспомнить. Но не мог. И завел речь о другом:

– Так говоришь, волхвы меня сгубить решили? Откуда же ты об этом прознал?

– Да уж знаю. Приходили они ночью в селище Матери-Сосны, когда ты и твои люди почивали по избам. И волхвы те Громодара вызывали, Мала также кликнули. Вот с ними-то и было решено... Я недалеко был, слышал все. И не по себе мне сделалось. Ведь по законам Рода ты гость селища, ты хлеб ел под

кровом Громодара, оттого и грех на старосте, что кудесников послушал, нарушив законы гостеприимства. Но как было не послушать, если волхвы сказывали, что ты, чужак, на наши священные места рвешься! А туда даже своим хода нет. Святотатство это.

– У других племен всякому доступ к святилищу открыт. Ну да ладно. Обойдусь и без ваших капищ. Вот только как мне в Киеве сказать, что наказ не выполнил...

– Ха! Олег-то, князь ваш, заругается небось.

Свенельд удивленно поглядел на Малфутку. Неужто древляне не знают еще, что Олег давно не в этом мире, а отбыл в светлый Ирий[28 - Ирий – рай у славян.]?

Когда он сказал об этом Малфутке, паренек искренне удивился. У них и по сей день Олегом-кудесником народ пугают. Говорят, он везде – и птицей вьется в поднебесье, и щукой-рыбой из заводей глядит, и волком по чаще рыщет да все выведывает. Бессмертен он, сказывают. А вот Игоря Киевского не так почитают. Обычный он, хоть и недобрый. Олег же... Он везде.

Пришлось Свенельду поведать отроку, как много лет назад погиб Олег Вещий. Предрекли Олегу кудесники, что примет он смерть от своего любимого коня. Князь в это поверил и услад гривастого любимца на вольные просторы. А конь у него был особенный, умный и верный, как брат родной. Вот конь и затосковал о хозяине, начал хворать, а там и помер. Олег об этом только спустя много времени узнал да обозлился на волхвов, что дурным предсказанием его заморочили. И решил князь взглянуть, где кости его любимца покоятся. Когда привели Олега в то место, князь поставил ногу на конский череп и попросил у друга прощения. Но не успел он молвить последнее слово, как упал на землю в судорогах и помер. Оказалось, что в черепе коня поселилась ядовитая змея. Она-то князя и ужалила, прокусив бархатный византийский сапожок.

Малфутка слушал князя, приоткрыв от удивления рот.

– Как же так? Разве мог великий кудесник умереть от змеиного укуса? Как же он гадюку-то не учуял? А еще говорят, Вещий он. Не иначе, кто-то посильнее Олега глаза ему отвел от опасности.

Варяг только пожал плечами.

– Не знаю. Как говорится – за что купил, за то и продаю. Я ведь при том не присутствовал, я только родился в то лето, когда Олег Вещий к богам после смерти нелепой ушел, а Игорь на Киевском княжеском столе воссел. И смог вновь подчинить Киеву ваше племя. Так что Игорь вовсе не слабее Олега, которым вы, древляне, по сей день детей пугаете да не решаетесь поверить в его кончину.

– Оттого и не верим, что не сумел бы Игорь одолеть древлян, если бы Олег ему чародейством не помог.

– Ну, Олег или иные волхвы Руси, а вы власть Киева признавать должны. Да и что вам от той власти, если как жили отдельным племенем, так и живете, а своеволием своим только дань большую на себя накликали. И если вновь от Руси отпасть задумаете, то узнаете, какова сила у дружин киевских. Даже чародейство ваше тут не поможет.

Говоря это, Свенельд невольно повысил тон, в его голосе прозвучали властные нотки. Однако глянув, как отвернулся, словно обидевшись, Малфутка, устыдился своего гнева. Парень его от беды спасает, а он пугать его стал. Да уйди сейчас Малфутка – и конец Свенельду. Вряд ли он сможет сам выбраться из этого гиблого места.

– Не сердись, парень, – миролюбиво заговорил Свенельд. – И давай-ка я тебе лучше о княгине Киевской поведаю. Уж она-то лиха вам никакого не сделала, как не сделала вообще никому, а прославилась своей мудростью. Ольгой ее зовут, и тот же Олег привез ее в невесты Игорю в те времена, когда он еще не прославился победой над Царьградом. Ты хоть знаешь, что такое Царьград?

Малфутка не ответил. Ворошил палкой в костре, так что искры полетели ввысь, к хвойным ветвям. Варяг невольно проследил за ними взглядом – и замер. Марится ли ему опять, или висит на ветке странная черная тень, только глаза сверкают? И показалось Свенельду, что тварь эта соскочить хочет, да только словно на стену какую натывается и вновь замирает, затаившись среди ветвей.

– Да пропади все пропадом! – не выдержал Свенельд. – Малфутка, ты разве не видишь?

Паренек даже подскочил от резкого окрика, тоже вверх поглядел. Но тень стала быстро исчезать, будто растаяла, разошлась темным дымком.

– Ну, видел? Видел?

– Что?

Свенельду показалось, что хитрый мальчишка обмануть его хочет. Как мог он не видеть тень поганую? Но Малфутка от окриков и гнева посадника и впрямь оробел, начал пугливо озираться. В конце концов варягу пришлось успокоиться, слушать, как паренек объяснял: мол, что бы там ни было, а сквозь обведенный им круг никакая нечисть проскочить не сможет.

– Меня знаешь, кто учил заговоры творить? Ну да ладно, сам вскоре узнаешь. Пока горит огонь и свежи мои заговоры...

Он не договорил, сжался у костра, только время от времени во мрак поглядывал настороженно. И опять Свенельду стало стыдно, оттого что он, хоробр киевский, сам страху поддался и паренька напугал. Потому и стал отшучиваться: мол, это ему после пережитого на охоте всякое мерещится – то тени, то вздохи, то вода светящаяся.

– Но вода и впрямь светится на Нечистом Болоте, – проговорил наконец Малфутка. – И ты должен уразуметь вот что, посадник: боги дали живую воду людям, чтобы они самых избранных дольше среди обычных смертных оставляли. Я даже знаю, что Ольга, о коей ты так уважительно говорил, воду эту пьет. Ведь годков-то ей немало.

Это было верно. Знать, ведают о том, что творится за их чащами, дикие древляне. Знают и о княгине пресветлой... И, когда Малфутка вдруг с неким особым интересом стал спрашивать его об Ольге, Свенельд с готовностью поддержал разговор.

Об Ольге он мог говорить сколько угодно. Даже перестал поглядывать наверх, где тень непонятную приметил. Княгиня Ольга... Очи у нее светлые и ясные, как звезды в морозную ночь, станом она стройна, как береза, косы у княгини русые и тяжелые, почти до колен свисают и красиво покачиваются, когда княгиня, словно лебедь белая, идет по хоромам киевского терема.

– Ох и любя же тебе жена князя! – неожиданно с каким-то суровым осуждением заметил Малфутка.

Свенельд промолчал. Он не хотел, чтобы кто-то догадался о том, что он не только служит княгине, но и готов смотреть на нее до конца времен, а порой, когда улыбка касается ее вишневых уст, думает о том, как сладко было бы ощутить их вкус... ощутить упругость бедра княгини под скользящим парчовым платьем... Но это только его тайна, и ему не нравилось, что Малфутка столько чувств вложил в эти короткие слова: «Ох и любя же тебе...»

А паренек вдруг спросил, есть ли у Ольги дети от мужа ее, князя Игоря?

– Сын у них. Глеб, – ответил Свенельд. – Он живет в далеком Новгороде, где Игорь поставил его князем-наместником.

– Сколько же лет Глебу-княжичу?

– Глеба я видел позапрошлым летом, когда ездил в Новгород родню свою повидать. Хил и хвор сынок моих князей, а выглядит даже старше родителей: и плешь у него пробивается, и зубы гнилые. Да и не больно-то любят его новгородцы, такого неприглядного, а уж родители его словно ссорятся, даже не вызывают на празднества в стольный Киев. Может потому, что Глеб веру Христа принял, священниками в темных одеждах себя окружил.

– Христа? – брезгливо скривил губы Малфутка, даже сплюнул гадливо. – Ну, тогда все ясно. От этого Бога вся напасть.

Свенельд вспомнил, что древляне с особой неприязнью относятся к священнослужителям миролюбивого иноземного Бога. Хотел даже расспросить, за что такая немилость, да Малфутка уже следующий вопрос задал: есть ли у князей Киевских еще дети? Нет, ответил варяг. И в том их великое горе. Ибо при таком наследнике, как хворый христианин Глеб...

– Ясно, – кивнул каким-то своим мыслям Малфутка. – То, что детей у твоих князей нет, не диво. Они ведь живую воду пьют и хорошеют. Ты сам говорил, как красива Ольга. И вот что скажу, если не знаешь: пусть вода чудесная и дает молодость, да только за это люди платят бесплодием.

Для варяга это было новостью. Он задумчиво отвел от глаз светлые волосы, склонил голову. Так вот чем княгиня его за красу редкостную расплачивается... О горе, горе! Ведь нет для человека большей беды, чем потомства не оставить. А Глеб-то... Не такой должен был родиться сын у прекрасной Ольги Киевской.

– Откуда ты о бесплодии знаешь? – наконец спросил варяг внимательно глядевшего на него Малфутку.

– Это и так известно. Возьми Громодара нашего: он ведь стар очень, а все еще крепок и силен. Жен новых берет чуть ли не каждый год, а детей не имеет. Зато внуки его еще живы, но у всех уже седина в бородах. А потому могуч по-прежнему Громодар, что уже много лет волхвы водой чародейской его поят. Вот он и послушен им во всем. Даже согласился сгубить тебя, хотя порушил законы Рода, посягнув на гостя.

Так вон оно что! То-то Свенельд заметил нечто необычное в старосте селища Сосны.

– Не много ли ты мне сегодня поведал, Малфутка? – спросил варяг после продолжительного молчания. – Я, конечно, тебе благодарен и за мной не пропадет. Но скажу честно: ты словно мне служишь, а не своему роду.

Малфутка от этих слов засмутился, шмыгнул носом, отвел глаза.

– Как же я могу не служить тебе, если... Если... Ты ведь мужем моим первым был.

На мгновение варяг просто онемел. Смотрел на сидевшего по ту сторону костра Малфутку, и словно пелена спадала с его глаз. Эта тонкая ручка с девичьим браслетом, этот яркий пухлый рот... Тот же алый шарф на шее. И он вдруг вспомнил и понял, что смущало его в юном провожатом. Он узнал его... ее...

Два года назад, когда он останавливался на постой в селении Сосны, тот же Громодар прислал ему на выбор девок для услады. Девки хихикали, закрывались стыдливо рукавами, а у самих глаза весело поблескивали. Ведь им честь и удовольствие красивому витязю услужить. Свенельд тогда даже растерялся от столь богатого выбора и тискал по очереди то одну из красавиц древлянских, то другую... Вот тогда-то в дверь и вошла еще девка в нагольном полушубке. Войдя

с мороза, стояла в сених в клубах морозного пара, расстегивая петли одежды, оглядывалась, еще ничего не понимая. С головы ее на плечи сполз ярко-алый шарф, открыв растрепанную голову в темных кудрях. И такой красавицей она показалась тогда веселому, хмельному Свенельду, что он указал на нее рукой, пожелав провести ночь именно с ней. А чернявенькая красавица сперва все в стороне держалась, прижавшись к бревенчатой стене и натянув до самых глаз меховое покрывало. Но Свенельд ее из закута выволок, отослав других, чтобы не мешали. Сладко вспомнить, что потом было... Свенельд даже в купальских любовных гуляниях такой улады не испытывал, какую тогда со скромницей пугливой ощутил. Правда, пугливой она была недолго.

На следующее утро он все выпрашивал, куда его ночная девушка делась. Они тогда уже отбывали, а он все ее в толпе выглядывал. Но ему пояснили, что зазноба его еще с утра ушла проверять оставленные в лесу силки. Он тем и удовлетворился, ведь древлянки знатными охотницами слыли. Однако как же он сейчас не признал в Малфутке свою бывшую полюбовницу?

– Зачем же ты таилась от меня так долго, глупенькая? – спросил Свенельд с неожиданной лаской в голосе. Обошел костер и подсел к ней, стал удерживать, когда она попробовала было отстраниться. – Я ведь о тебе у Мала расспрашивал, а он все ржал, как коняка.

– Неужто расспрашивал? – сразу озарилось улыбкой лицо девушки. – А я-то думала, позабыл меня... Напомнить не решалась.

– Да что же ты парнем-то вырядилась и ведешь себя, как мальчишка-охотник?

– Так сподручнее, чтобы больше замуж не выдавали.

– А ты что же, замуж после посадника ни за кого идти не хотела?

Малфутка не ответила. Лицо ее было так близко, розоватое в свете костра, нежное, глаза темные, поблескивающие влажными искорками. Возможно, не такая уж и красавица, но какая притягательная...

Свенельд снял с нее лохматую шапку, и на плечо девушки упала темная коса. Не длинная, но тяжелая, пышная, растрепанные кудри красиво легли на виски, обрамляя расходящиеся крыльями брови. Она смотрела на Свенельда

взволнованно, но не отстранилась, когда он взял ее лицо в ладони, улыбаясь, приник к устам. Сладкие они были, теплые... Он чуть раздвинул их языком, и они послушно раскрылись. Не забыла еще, как это византийским поцелуем ласкаться... И Свенельд целовал ее все жарче и жарче, играя ее губами, скользя языком по языку. Услышал, как девушка задышала с дрожью, а потом ее легкая рука легла ему на плечо.

Где-то ухнуло в болотах, плеснуло, и словно ветром холодным повеяло, но ни варяг, ни девушка ничего не замечали. Порой, размыкая губы, глядели друг на друга, улыбаясь и тяжело дыша.

– Малфутка... Я-то думал, так паренька кличут. Да и что за имя такое для девушки?

– Древлянское. Нарекли меня так по молодому месяцу и зовут так по сей день.

– А я буду звать тебя Малфридой. Это наше, варяжское имя, означающее «честная радость». И оно больше подходит такой красавице...

– Малфрида, – прошептала древлянка, улыбаясь. – Красиво...

Больше они не разговаривали. Свенельд забыл о своих волнениях, ему не хотелось больше гадать, как они выберутся из Нечистого Болота, как выйдут к людям и что тогда его ждет. Он даже перестал ощущать саднившие ушибы и сырость ночи. Была в этой странной девушке, что сама потянулась к нему, некая жаркая сила, захватывающая и манящая, наполнявшая вожделением. И он целовал ее, ощущая, как покорно отзывается она на ласки, как ее легкие пальцы запутались в его светлых волосах, как согнулась в колене ее нога, сплестясь с его коленями. Варягу Свенельду еще не приходилось ласкать девиц в мужских портках, но, когда его рука скользнула по ее обтянутой штаниной ноге от колена к бедру, это было необычайно волнующе.

Рядом, угасая, потрескивал костер, вокруг все колыхалось, булькало, сипело, а они целовались со все возрастающей страстью, ничего не замечая, забыв обо всем на свете. И вот уже пальцы Свенельда расстегивали петли на ее куртке, сминали яркий шарф, искали нежные полушария ее груди. Он глухо застонал, ощутив их горячую упругость под льняной рубахой, неторопливо мял их, пока Малфутка сама не помогла ему поднять одежду и ее округлая грудь не

оказалась под его ладонью. Потом он склонился, лаская языком напрягшийся сосок и хмелея от ее слабых всхлипов, а рука его уже нетерпеливо распускала гашник[29 - Гашник – шнурок, на котором держались штаны.] ее штанов, проникая все дальше, где было влажно и горячо.

Малфутка, закрыв глаза, изгибалась под его лаской, опрокидывалась на спину, счастливая, дрожащая, трепетная... Его тяжесть, его ласки сводили ее с ума, она застонала, слабея... Казалось, еще миг – и она вновь испытает то ослепительное счастье, какое он некогда даровал ей и о котором она вспоминала все это время... Однако древлянка была охотницей, и даже погружаясь в горячую истому, она уловила рядом какое-то движение, ощутила чье-то присутствие... Почувствовала некую отвлекающую силу.

Малфутка открыла глаза... И закричала испуганно, зашлась пронзительным визгом.

Свенельд вмиг очнулся, оглянулся и моментально вскочил на ноги. Быстро выхватил нож, пригнулся, как для броска. Вместо страсти теперь им владели азарт боя, готовность к схватке. Хотя никогда еще не приходилось варягу сражаться с подобным...

– Назад, Малфутка! За меня!

– Это Смок! – кричала девушка. – Это хозяин болота! И от него нет спасения!

– За меня встань, я сказал!

Она послушно спряталась за варяга и с ужасом глядела снизу вверх на невиданное чудовище, которое все поднималось и поднималось из болота, выползая, подобно гигантской змее, и сверху, в ярости раскрывая клыкастую пасть, смотрело на них бездушными светлыми глазами.

Это был Смок – чудовищный змей, обитающий в подземных водах болота, чешуйчатый, с плоской, как у змеи, головой, но при этом с жуткими наростами, похожими на рога. Сейчас чудище, словно разбуженное от своего вечного сна, выползло из заводей болота и раскачивалось над застывшими на островке людьми, пока не сделало стремительный бросок. Свенельд с криком бросился на него с ножом... Нож не достиг цели, как и Смок не достал до людей, отклонился

резко, будто ударившись о невидимую преграду.

– Его заговор держит! – закричала Малфутка. – Круг, обведенный мною.

Свенельд напряженно молчал. Он следил за движениями гигантского змея и одновременно наблюдал за шевелением болота. Невероятно! Он готов был голову поставить в заклад, что Смок возник не один. То там, то тут из тьмы поднимались странные фигуры. Голые, тощие, пролежавшие под водой много лет утопленники, а теперь чем-то пробужденные, они вылезали на поверхность, и были они ужасны. Были и такие, кто больше походил на поднявшихся на хвосты рыб, были и покрытые бородавками разбухшие древесные стволы, невесть сколько пролежавшие в трясине и теперь ожившие сухие коряги. И сколько их собралось!.. Целое воинство.

Варяга охватила отчаянная злость.

– Ну что, уродцы? Плоти человеческой захотели? Давай, давай, то-то уж будет работы моему булату!

Смок, возвышаясь над призрачным, слабо различимым во мгле и оттого еще более жутким войском болотной нежити, вдруг стал ползти, обвивая невидимый, но пока еще охраняющий варяга и девушку круг. Змей был чудовищной длины, его чешуйчатое тело кольцами ложилось вокруг, даже было видно, как напрягаются под бледной кожей мышцы, сиюсь раздавить невидимую преграду.

– Скажи заговор, Малфутка! Да повтори же заговор! – догадался крикнуть варяг.

В этот миг на него словно что-то навалилось сверху, обхватило, сдавливая и рыча. Он и повернуться не успел, как лохматая длинная лапа ослабла, отпадая. Краем глаза Свенельд успел заметить Малфутку с сулицей в руке, которой она поразила черное мохнатое чудовище, спрыгнувшее сверху.

– Стена ослабла вверху, – почти спокойно пояснила девушка, вырывая острие копья из тела черной твари.

А сверху на ветвях уже появлялись новые темные тени, сверкали огромные бездушные глаза.

– Мать-Сосна, помоги! – вскрикнула древлянка и стала быстро говорить какой-то наговор.

И сосна словно послушалась. Зашатались вдруг, как на сильном ветру, ветви, стали расшвыривать раскачивающихся на ней существ.

Смок раскрыл пасть и издал пронзительный звук – тонкий, казалось, еле различимый, но от него и варяг, и девушка закричали, стали затыкать уши. И тут Смोक повернул пасть, и голова его приблизилась настолько, что почти повисла над костром. Защищавший их круг оказался сломан!

Думать об этом было некогда, и Свенельд со всей мощью вогнал нож в глаз твари. Его руку с силой рвануло, когда чудище стремительно отклонилось, забило длинным хвостом. Свенельд чудом удержал рукоять ножа и тут же вонзил его в того, кто пытался перебраться через извивавшееся тело змея. Затем вновь ударил по кому-то уже кулаком, и, после того как отброшенная им живая коряга с глухим уханьем повалилась, успел выхватить из-за голенища второй нож и вонзить куда-то. Правда, эта тварь с рыбьей мордой уже и так валилась, пронзенная ударом сулицы Малфутки. Девушка сейчас походила на разъяренную фурию: растрепанная, с оскаленными зубами. Выхватив из огня горевшую ветку, она ткнула ею в очередное рыло – мокрое, клыкастое, точно у кабана-секача.

На короткое время они смогли перевести дух. Оказалось, что раненый змей так усердно бил хвостом, что задел и разбросал болотную нежить. Она нелепо опрокидывалась, силясь встать, вновь падала и опять появлялась над болотом, взбалтывая воду. Казалось, ее целью было лишь одно – проникнуть к освещенному костром кругу, где оборонялись два живых существа. И как долго это могло продолжаться?

– Давай, глупые твари! – кричал Свенельд, сам пытаясь наскочить на кого-то и отмечая краем сознания, что болотная нежить уступает людям в ловкости и проворстве. – Давай, прими от руки смертного вторую кончину!

– Свенельд, назад! – закричала Малфутка, но варяг не успел отскочить. Смок пронес свою голову почти рядом с ним, зацепив его и повалив наростом своего головного рога.

И тут что-то случилось. Смок вдруг стремительно отпрянул, опять вытянулся и застыл, сверху вниз глядя на людей. Было заметно, что глядит он как-то косо, ибо один глаз у него исчез за сгустком черной пузырящейся крови. И так же, не сводя глаз с людей, змей стал медленно погружаться в болото. Погружался он с трудом, словно ему не хватало в болоте места и оно стало слишком мелким для его огромного змеиного тела. Вместе с ним начали исчезать, уходя под воду и превращаясь в болотные холмики, ожившие чудища. Даже туман сгустился, будто желая скрыть их неожиданное отступление. И только стоны стояли над мглой, слышались поскрипывания, даже какие-то всхлипывания, болезненные и злобные.

Последним в тумане растворился Смок, все еще не сводивший с людей взора. Потом голова его исчезла в сырой дымке, раздался легкий всплеск – как если бы гребли веслом, – и все. Варяга и девушку теперь окружали тишина и темень.

Удивительно, но костер еще слабо горел. Свенельд, словно у него разом истощились все силы, опустился на колени подле догоравшего огня. Малфутка тихонько всхлипывала рядом.

– Даже старики о таком не рассказывали, даже она...

О ком говорила девушка, Свенельд плохо понимал. Он застонал, невольно схватившись за бок и только теперь ощутив, как сильно задел его Смок наростом рогов, когда он недостаточно проворно отскочил.

– У тебя кровь, – сказала Малфутка.

Он поглядел и увидел висящую клочьями кольчугу. Сквозь нее медленно текла кровь.

Малфутка опустилась рядом с посадником на колени.

– Дай заговорю кровь. Я умею.

Она протянула руки, стала нашептывать, но что-то у нее не получалось. Девушка даже повысила голос, в котором звучало злое упрямство:

Мое слово верное – стой, замри.

Слово мое крепкое,
как древо Перуна-Громовержца —

Стой, замри, назад уйди.

– Малфутка, да у тебя у самой щека кровоточит.

Он хотел коснуться ее пореза, из которого тоненькой струйкой стекали темные капли, но древлянка раздраженно тряхнула головой. И вдруг заплакала.

– Нет у меня силы. Всегда была, а сейчас нет.

Теперь она плакала уже навзрыд, а варяг, все еще устало дыша, обнял ее, притянул к себе, дал выплакаться на плече, пока она не затихла, замерла.

– Что же все-таки произошло? – прошептал Свенельд в ее растрепавшиеся, рассыпавшиеся волосы. – Отчего они ушли?

Малфутка отстранилась, вытерла запястьем глаза.

– Наверное, это петухи где-то пропели зарю. Мы о том ведать не можем, а нежить сразу уловила, что власть тьмы отступает. А с приходом зари их силы исчезают. Однако...

Она подняла к Свенельду встревоженное лицо.

– Смок разумен, он смотрел на тебя, и он тебя запомнил.

– Ну, пусть и тешится этим воспоминанием, одноглазая тварь. Пусть ему это будет уроком, как тягаться с варяжским витязем!

Он пытался шутить, но Малфутка оставалась серьезной. Поднялась, оправила одежду, подобрала упавшую сулицу. Свенельд отметил только, что там, где недавно лежали поверженные ими нелюди, тел не было. Только кучи рыхлой сырой земли, будто кроты поработали.

– Уходим, – сказала древлянка. – Сможешь идти? Обопрись на меня.

– А куда пойдем?

– К другу. Вернее, к подруге моей. Там с нами уже ничего страшного приключиться не сможет.

Глава 5

Предутренняя осенняя хмарь расходилась серым полумраком. Светлело словно с трудом. И все же постепенно очертания стали четче, бледные заводы Нечистого Болота встречались реже, а впереди замаячил высокими бурыми кронами лес.

– Ну, и где мы? – спросил Свенельд, оторвавшись от фляги с водой, которой поила его девушка.

– Не все ли тебе равно? Говорила же, к подруге моей идем. Там и схоронимся на несколько дней, раны подлечим.

В ее голосе чувствовалось усталое раздражение. Свенельд смолчал. К чему расспросы? Ему самому не сладко, что же говорить о юной древлянке. Последние версты она почти тащила его на себе, он ослабел от потери крови, хотя Малфутка и перевязала его, как могла, куском ткани от своей рубахи.

– Скоро придем, – сказала проводница, вновь увлекая посадника в чащу подступившего леса.

Свенельд, поднимая голову, устало поглядывал по сторонам. Деревья тут росли огромные, сросшиеся стволами, нависая корявыми голыми ветвями над тропой. Сама же тропа оказалась хорошо проторенной, и это при том, что нигде вокруг

не было заметно следов обитания людей.

И вдруг он увидел перед собой добротную избу. Свенельд даже опешил от неожиданности.

– Что это, клянусь самым Громовержцем!

– Считай, пришли, – улыбнулась в ответ Малфутка. – Здесь мы в безопасности.

Лес расступился, открыв взору путников большую расчищенную поляну, окруженную кривыми деревьями. Вдоль кромки леса, откуда они вышли, протекал ручей, через который был переброшен мосток со странными перилами: на каждый их высокий шест был надет человеческий череп. Но еще необычнее выглядела сама изба. Она стояла у края уходящего в лес возвышения – огромная, сложенная из мощных бревен, с крытой дерном и поросшей мхами крышей, украшенной резным коньком. Сама же изба была на мощных сваях, поразительно напоминавших варягу гигантские куриные ноги. Они были в коре и наростах, но уж больно похожи... Свенельд не мог оторвать от них глаз, даже мотнул головой, прогоняя наваждение. Но это и впрямь были куриные лапы... Или, в крайнем случае, огромные корни деревьев в виде лап – варягу больше хотелось верить именно в это.

Однако его проводница вскоре рассеяла все сомнения. Оставив на миг своего раненого подопечного, девушка шагнула вперед и громко произнесла:

– Избушка, избушка, повернись ко мне передом, к лесу задом.

Свенельд потрясенно наблюдал, как огромная изба, скрипя и накрениваясь, начала поворачиваться, послушная приказанию Малфутки, как шевелятся ее огромные куриные ноги, вороша мох и опавшую листву на земле, как все строение неуклюже разворачивается и при движении с ее кровли с карканьем вспархивают вороны и галки.

– Я не сплю? – спросил варяг улыбающуюся Малфутку.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Древляне – славянское племя, жившее в лесах между Днепром и Припятью.

2

Упырь – мертвец (умерший нехорошей смертью), выходящий ночью из могилы и сосущий кровь людей.

3

Род – божество-прародитель у древних славян. Покровитель людей, семьи и родоначальник жизни.

4

Стрый – дядька по матери.

5

Братучадо – племянница.

6

Сулица – небольшое копье, дротик.

7

Копье – воинское подразделение, отряд.

8

Опашень – длинный летний кафтан с короткими широкими рукавами, который носили без пояса, нараспашку.

9

Перун – бог-громовержец у древних славян, а также покровитель воинов и воинских дружин.

10

Полюдье – в Древней Руси – ежегодный объезд подвластного населения («людей») для сбора дани.

11

Треба – языческое подношение, жертва богам.

12

Гридница – просторное помещение для пиров и собраний знати.

13

Листопад – ноябрь.

14

Поляне – древнее славянское племя, обитавшее по Днепру с центром в Киеве, соседствовали с древлянами.

15

Огнищане – поселенцы, освобождающие землю выжиганием и выкорчевкой леса.

16

Уный – младший дружинник.

17

«Чурались», поминали пращуров (говорили: «Чур меня»), чтобы получить от умерших предков защиту. Чур – то есть пращур, на помощь которого рассчитывают.

18

Седмица – неделя.

19

Хыст – талант, способности.

20

Погост – поселение, место сбора дани.

21

Исполох – болезнь от испуга, сводящий с ума ужас.

22

Кмети – опытные старшие воины в дружине.

23

Покон – обычай, старые заветы. От слова «испокон».

24

Каженники – безумцы, сумасшедшие.

25

Тарпан – дикая степная лошадь.

26

Нарочитые – почитаемые, богатые.

27

Ляхи – поляки; волыняне – славянское племя, жившее на юго-западе от древлян.

28

Ирий – рай у славян.

29

Гашник – шнурок, на котором держались штаны.

Купить: <https://tellnovel.com/simona-vilar/ved-ma>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)